Снежные холмы

Автор:
Катрин Корр

Снежные холмы

Катрин Корр

Неправильная любовь

Вы хотели бы поработать на одном из самых популярных горнолыжных курортов? Заселять гостей в домики, гулять по снежному лесу и предвкушать новогодние праздники?

Благодаря лучшей подруге Аня устраивается администратором в гостиницу, надеясь, что кардинальная смена обстановки и новая работа изменят ее жизнь. Трескучие морозы и суматоха в «Снежных холмах» покоряют ее сердце. Но когда на курорт приезжает загадочный гость, одним лишь суровым взглядом наводящий на Аню жуткий страх, начинают происходить странные вещи.

Аня понятия не имеет, что оказалась в «Снежных холмах» не случайно. Ровно как и о том, что с тем самым гостем они связаны общим прошлым.

© К. Корр, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава 1

Ветер треплет серую тряпку над окном моей гостиной уже больше полугода. Никто из квартиры этажом выше не в состоянии снять с нее прищепку и выбросить кусок выгоревшей ткани в мусорное ведро. Там обитает сумасшедшая семейная парочка – Марина и Костя, любители выяснять отношения по ночам. Я редко вижу их, но часто слышу и по пьяным речам понимаю, что им плевать на эту чертову тряпку и она так и будет висеть там, пока новые жильцы в здравом уме не избавятся от нее.

– Ну что ты все время пялишься на эту хреновину? – недовольно бурчит Вика, поставив на столик две чашки с горячим кофе.

– Она сводит меня с ума…

– А по-моему, кое-кому просто нечем заняться.

Подруга права – у меня действительно нет никаких дел. С получением диплома, работа над которым хоть как-то отвлекала меня от тяжелых мыслей, я как будто потерялась. Окончила университет, и все – жизнь вновь замерла. Ни планов на будущее, ни намерений искать работу, а лишь желание сидеть дома, уставившись в окно, и гадать, почему моя жизнь не такая «обыкновенная», как у других.

Этот год выдался очень тяжелым, мрачным и напрочь выбил меня из колеи. Я словно подстреленная в лапу неумелым охотником утка.

– Не обижайся, но прошло уже много времени, а ты никак не меняешься, – тихо произносит Вика и, дотронувшись до моей руки, уточняет: – Я просто хочу, чтобы ты вновь стала той самой Аней, с которой я познакомилась на… как ее… той встрече умников, или бог знает как она называлась!

– Олимпиада, – говорю я, усмехаясь.

– Точно, она самая. Ты мне тогда сразу не понравилась, вся такая правильная, плечи назад, грудь вперед, и как пошла балаболить без остановки!..

– Аналогично. Я задавалась одним только вопросом: каким образом эта выпендрежница попала на олимпиаду по английскому, если в тестах наделала уйму ошибок?!

– Ты подсматривала мои ответы! – театрально-обвинительным тоном восклицает Вика и тычет в меня пальцем. – Раз я такая неуч, тогда зачем помогла мне?!

Я пожимаю плечами и улыбаюсь, вспоминая тот осенний дождливый день, когда Вика вошла в аудиторию обычной общеобразовательной школы в модных укороченных брюках, открывающих тонкие щиколотки, в лакированных туфлях на тонкой шпильке и дорогой блузке с темно-синим принтом. Учащаяся престижного лицея разительно отличалась от всех учениц, находящихся в аудитории, не только одеждой, но и прической – ее длинные рыжие волосы были идеально уложены в роскошный высокий пучок, который явно был сделан профессиональным парикмахером.

Ее посадили рядом со мной за последнюю парту, и когда мы встретились взглядами, я поняла, что она побаивается.

Устный этап олимпиады Вика просидела молча, не ответив ни на один вопрос. Мне показалось, что она стесняется говорить на английском языке с незнакомыми людьми, но когда началась письменная часть, я убедилась в том, что у моей будущей лучшей подруги просто недостаточно знаний для участия в таком мероприятии.

Я недоумевала, кто и зачем отправил ее сюда, прекрасно понимая, каким уровнем английского нужно обладать, чтобы правильно расставить времена в предложениях. Но заговорить с «девушкой из высшего общества» попросту боялась. Я никогда не жадничала с ответами, как другие ученики, которые прятались за книжками или прикрывали рукой свои работы, поэтому решила молча предложить незнакомке свою помощь. Открыв чистый лист в своем черновике, я принялась писать номера заданий и буквы с правильными ответами, потом подвинула тетрадку на центр парты, надеясь, что девушка примет помощь. Даже не успела глазом моргнуть, как она стала стирать ластиком свои ответы и обводить те буквы, которые написала ей я.

«Спасибо», – сказала мне Вика на выходе из школы, в которой проходила олимпиада.

«Не за что – ответила я, польщенная благодарностью. Мы стояли на крыльце под большим козырьком и смотрели на непрекращающийся дождь.

«Меня Вика зовут, я из первого лицея».

«Аня. Девятнадцатая школа».

Так мы и познакомились. К моему удивлению, Вика оказалась не высокомерной хвастуньей, а обычной, свойской девчонкой, которая просто стремилась угодить своему любимому папе. Как выяснилось, участвовать в олимпиаде она вызвалась сама, дабы порадовать родителя, который очень хотел, чтобы его дочь изучала иностранный язык. Благодаря моим подсказкам Вика заняла третье место, и этому результату был неимоверно рад ее отец, Андрей Викторович.

– Если бы я тогда знала английский – мы бы не подружились с тобой. Ты осталась бы для меня заучкой, а я для тебя – выпендрежницей!

– Хорошо, что я не была жадной заучкой, – отвечаю, и мы обе смеемся.

Пьем кофе и смотрим «Игру престолов» по телику. К разговору о моем будущем не возвращаемся в течение всего часа, пока идет серия, но как только она заканчивается, Вика, словно читая мои мысли, с серьезным выражением лица заявляет:

– На самом деле я приехала поговорить о тебе, дорогая моя. Ты замыкаешься в себе, прячась от мира в этой квартирке, которую давно пора сменить на другое, более современное жилье.

– Ты так добра… – бурчу я.

На мою недовольную реплику Вика парирует:

– Думаешь, Лара, царство ей небесное, хотела бы видеть тебя такой?!

Сказав это, она опускает глаза. Ей, как и мне, тяжело говорить о человеке, которого с нами уже нет. Необъятная пустота поселяется внутри, когда я вспоминаю голос, внешность и мимику моей дорогой тети.

– Вик, со мной все в порядке, – отмахиваюсь и встаю, чтобы убрать со стола грязные чашки.

– Вот, ты всегда так делаешь, когда тебе не по себе! – говорит подруга, следуя за мной на кухню. – Начинаешь наводить порядок, казаться слишком занятой. Пора взять себя в руки и начать все сначала!

Я резко оборачиваюсь и едва не сталкиваюсь с Викой, которая явно не ожидала такой реакции. Она выше меня на десять сантиметров, и всякий раз, когда мнит себя моей «старшей сестрой», мне приходится расправлять плечи и приподнимать голову.

– Во-первых, я люблю, когда везде чисто, а во-вторых, повторяю – со мной все хорошо!

– О, ну да! Тебе двадцать три года, ты живешь на деньги, которые остались от Лары и которые, как я полагаю, скоро закончатся! Получила красный диплом, но при этом не пытаешься найти работу. Все, что у тебя есть, – квартира, которую давно пора сменить, высшее образование, которое на хрен не нужно ни одному работодателю, если у тебя нет опыта работы по специальности или рекомендаций, и я, единственная подруга, переживающая за твое будущее!

Выговорившись, Вика глубоко вздыхает и плюхается на кухонный стул. У меня нет сил взглянуть в ее глаза, потому что все, что она сказала, – чистая правда. Мои финансовые запасы на исходе, и через пару месяцев я останусь без копейки. Странно, но до этого разговора эта проблема не казалась мне такой серьезной. Диплом, на получение которого были потрачены годы учебы, уйма сил и нервов, теперь валяется в нижнем ящике комода с другими документами. Кроме Вики у меня действительно никого нет, так что если вдруг однажды она захочет исчезнуть из моей жизни – я останусь одна-одинешенька.

За окном завыл ветер, и темные тучи заслонили сентябрьское солнце. Вика поморщила курносый нос и сказала:

– Прости, что снова наехала на тебя, но я действительно переживаю за тебя.

– Ты от меня подхватила привычку извиняться каждые пять минут? – Я улыбаюсь и сажусь на противоположный стул.

– Неужели это заразно? – фыркает Вика.

– Кажется, да. И ты абсолютно права. Пока была учеба, я отвлекалась, зубрила, читала, писала, а потом… Стало грустно, вот и все. Знаю, Ларе моя жизнь не понравилась бы.

– Еще как, – усмехается подруга. – Наверное, ругалась бы трехэтажным матом. Помнишь, как она разорялась, когда ты устроилась в гостиницу, где в основном останавливались дальнобойщики? У-у-у, вот это был скандал.

Вика начинает смеяться и закрывает лицо ладонями.

– Ты вспомнила про гель для волос?

– Да! Прости! – хохочет подруга. – Но ведь это же жутко смешно!

Закончив первый курс, я на все лето устроилась администратором в придорожную гостиницу. Хозяйкой была тощая армянка с длинным, кривым носом, как у Бабы Яги. Она жила на первом этаже вместе со своим пятнадцатилетним сыном. Я работала с понедельника по пятницу, по шесть часов в день, и каждое утро Лара проводила определенные манипуляции над моей внешностью. Она превращала меня в нелюдимую и совершенно непривлекательную бледную тетку с грязными волосами. Из одежды на мне всегда были широкие джинсы, вытянутая, на два размера больше кофта и круглые очки с пластмассовыми стеклами. Она ненавидела мою работу, впрочем, и я не была в восторге каждый будний день напяливать на себя «старушенцию», но уволиться не могла, потому что мне нужны были деньги и тот самый чертов опыт. Второкурсницы как-то не пользуются спросом в элитных гостиницах, даже на неоплачиваемую практику туда сложно попасть.

– Ты выглядела чудовищно! Лара делала все, чтобы «ни один хрен на колесах на тебя не взглянул», – проговариваем мы вместе, смеясь до слез. – Она была чудесной женщиной. Веселой и искренней.

– Я скучаю по ней.

Вика обнимает меня. Чувствую приятный запах ее легкого цветочного парфюма.

– Знаю, милая. И мне тоже не хватает ее. Но нужно жить дальше и радоваться каждому дню. Встречаться с друзьями, ходить в кино. Знакомиться с парнями… Не думаю, что она была бы в восторге, видя, как ты скрываешься здесь от всех.

Я киваю и отстраняюсь от подруги.

– Скажи, ты готова изменить свою жизнь с этой самой секунды? Для первого шага достаточно того, что ты с уверенностью скажешь: «Да, Вика! Я готова!» Ну?

– Да! – твердо отвечаю я. – Готова!

Подруга широко улыбается и вновь обнимает меня. Ее неистощимый оптимизм понемногу передается мне, и я действительно чувствую, что нуждаюсь в переменах, которые во что бы то ни стало должны стать для меня полезными.

– Тебе не помешало бы сходить в салон и привести свои волосы в порядок.

Я приподнимаю бровь.

– Ничего не спрашивай, а просто сделай так, как я тебе говорю, потому что… у тебя есть работа! Та-да-да-дам! – Вика поднимает руки и хлопает над головой.

– Не поняла…

– Тут такое дело… – затараторила она. – Я отправила твое резюме в одно очень крутое место, и они тебя выбрали! Ты им подходишь! Хотя сначала они сказали «нет», но потом…

– Резюме? У тебя есть мое резюме?..

– Ну, теперь да, – отвечает Вика, хитро улыбаясь. – Я сама его написала. Не хотела тревожить тебя, да и понапрасну вселять надежду, ведь попасть туда невероятно сложно. Но у тебя получилось!

Кажется, таким звонким голосом объявляют победителей лотереи.

– Да неужели? – вырывается у меня.

Я машинально подхожу к раковине и начинаю споласкивать чашки. По телу пробегает нервная дрожь, а в ушах появляется противный непрерывный писк, словно в моей черепушке вот-вот лопнет сосуд.

– Горнолыжный курорт «Снежные холмы»! Ты, как выпускница «гостиничного дела», наверняка слышала о нем.

– Ты шутишь? – перебиваю я, сжимая в руках мокрую чашку.

– Нет, честное слово. Если бы ничего не вышло, я бы и не рассказывала тебе. В общем, полтора месяца назад к нам в гости приезжал давний друг папы, последний раз я его видела, когда мне было лет пять. Он владелец этого курорта или совладелец, точно не помню. В общем, тебя взяли на должность администратора главной гостиницы курорта! Пиф-паф! Салют! Ура! Ура! Ура! Вот я дура, надо было по дороге шампанское купить.

Я смотрю на улыбающуюся подругу, не в силах сдвинуться с места. Чувства переполняют меня, но они весьма противоречивы. Конечно, я не в восторге от того, что Вика сочинила мое резюме и занималась поиском работы. Только богу известно, какие вымышленные заслуги она мне приписала. Но несомненно, я очень рада, что у меня появился отличный шанс начать новую жизнь с получения перспективной и достаточно престижной должности, ведь работа в «Снежных холмах» – одно из немногих моих несбыточных желаний. До сих пор не могу до конца поверить, что все это происходит не во сне.

– Ты точно не шутишь?

– А где же: «О Вика! Ты самая лучшая подруга на свете!»? Вот если бы ты дала мне возможность рассказать все от начала и до конца, то поняла бы, что я

сейчас не шучу.

– Вик, ты самая лучшая подруга на свете! – произношу я и плюхаюсь на стул. – Хотя боюсь представить, что ты там насочиняла в резюме…

Она смеется и с гордостью выпрямляет спину.

– Я написала чистую правду о тебе, так что не бойся, китайским и японским ты не владеешь! Но уверена, эти страшные языки дались бы тебе без особого труда.

Все еще пребывая в некотором неверии вперемешку с возбуждением, я вскакиваю со стула, лихорадочно протираю столешницу, навожу порядок на полках с крупами, а Вика тем временем рассказывает:

– Ну, и тут я говорю папиному другу, что у меня есть отличная девочка, красивая, умная, коммуникабельная, которая как раз ищет работу после получения красного диплома. Да-да! Я уточнила: «красного диплома». Спрашиваю, есть ли у них вакансии, а он такой: «Я давно не занимаюсь кадрами, этим занимается другой руководитель, но ты можешь скинуть мне на почту ее резюме, и я обещаю, что передам его на рассмотрение». Классный дядька, да? Ну, а потом я сажусь за ноутбук и начинаю писать твое резюме, ведь не звонить же мне тебе и не рассказывать, что и как. Отправила файл на его электронную почту и стала ждать. Через пару дней пришел от него ответ, мол, к сожалению, свободных вакансий нет. Я ужасно расстроилась, даже хотела попросить папу, чтобы он немного воспользовался их дружбой и… ну как-то попросил, что ли… Нет-нет! – тут же восклицает она, видя мое удивленно-недовольное выражение лица. – Папа вообще ничего не делал, честное слово! Через пару недель мне позвонил молодой человек с приятным голосом, помощник кого-то там, и сказал, что освободилась должность администратора! Он был очень огорчен сложившимися обстоятельствами, мол, скоро открытие сезона, а у них такая проблема возникла… Говорит: «Вы отправляли резюме, с которым мы внимательно ознакомились и пришли к выводу, что вы, Артемьева Анна, подходите на эту должность». Он думал, что я – это ты! Ответ нужно дать до двадцатого сентября, то есть на раздумья у тебя есть еще полторы недели. Если согласишься, он отправит необходимые бумаги, билет на самолет и инструкции по почте. Сезон открывается в первую субботу ноября.

Когда Вика заканчивает свой увлекательный рассказ и отвечает на телефонный звонок, протяжно выдыхаю и комкаю в руках влажное кухонное полотенце. Отчужденно смотрю в окно, выходящее на проезжую часть, и чувствую, как каждая частичка моей души начинает пробуждаться от долгого сна.

Ветер играет с пожелтевшей листвой и уличной пылью, разбрасывая этот осенний микс на машины и прохожих. Ловлю себя на мысли, что впервые за долгое время мне действительно хочется выйти из квартиры и прогуляться.

Широкоплечий консультант магазина спортивной одежды приносит бордовый пуховик, в который я влюбилась с первого взгляда. Глубокий капюшон обрамлен искусственным черно-белым мехом, а на запястьях есть специальные застежки, не дающие варежкам или перчаткам сползать с рук. Я примеряю его, и мне безумно нравится то, как он на мне сидит.

Спустя полчаса я выхожу из магазина с двумя пакетами обновок и искренне надеюсь, что облегающая черная термокофта, которая досталась мне в подарок, окажется полезной на новом месте работы. Захожу в еще несколько бутиков и покупаю теплые колготки, водолазку, темно-коричневые угги с бордовыми помпонами, которые будут прекрасно гармонировать с пуховиком. Завершают масштабный шопинг совершенно неподходящие для холодной северной зимы черные туфли-лодочки на тонкой шпильке, в которых я буду ходить исключительно в гостинице.

Возвращаюсь домой около семи вечера, не чувствуя ног. Последние три с половиной недели живу мыслями о новой работе. Мне просто нравится думать о чем-то новом помимо внезапной кончины Лары и моего убогого существования в этом мире.

Чуть ли не каждый день я захожу на официальный сайт горнолыжного курорта, расположенного в ХМАО, и со странным трепетом пролистываю шестьдесят восемь ярких фотографий, каждая из которых заставляет меня улыбаться. Мой любимый снимок – сказочный ночной вид огромного сверкающего комплекса, выполненный, судя по всему, с высоты одного из снежных холмов. Кажется, что волшебный городок, переливающийся разноцветными огоньками, прячется в лесной северной глуши, а эти волнообразные холмы, в честь которых курорт и получил название, охраняют покой его жителей. Именно эту фотографию я

сделала заставкой на рабочий стол своего ноутбука, поэтому каждый раз, когда включаю компьютер, первое, что вижу, – сказочный мир, в котором смогу очутиться уже через пару дней.

Принимая душ, слышу звонок сотового, который я оставила на полке в коридоре. Наверное, Вика.

Представить не могу, что бы я делала без этого удивительного человека. Иногда вообще не понимаю, почему мы дружим, ведь обе принадлежим разным мирам. Она из весьма обеспеченной семьи, живет в высотке, которую в нашем городе прозвали «башней миллионеров». У меня же нет ни мамы, ни папы, и обитаю я всю свою жизнь здесь – в двухкомнатной квартире пятиэтажки, подъезд которой пропитан кислым старушечьим запахом. Гардероб подруги полон модной одежды и аксессуаров, стоимость которых запредельно высока. В моем шкафу много хороших вещей, но на них нет бирок с именами известных дизайнеров. Она ездит на собственном «БМВ», а я на маршрутке или автобусе. Вика должна быть высокомерной девицей, однако это не так. Ей нравится ночевать у меня и есть на ужин картошку в мундире с селедкой и луком, а не восседать в своей большой столовой за широченным столом из какого-то там камня и наслаждаться ризотто.

Выключаю воду и слышу, что сотовый вновь разрывается. Наматываю полотенце на тело и бегу в коридор. На экране светится фото Вики.

– Привет!

– Хеллоу! Ты куда пропала?

– Я принимала душ, что-то случилось?

– Еду к тебе с пижамой и шампанским!

– Ух ты, а что за праздник? – спрашиваю я и иду обратно в теплую ванную комнату.

– Моя подружка уезжает в Лапландию на полгода, нужно как следует ее проводить! И пожелать кучу всего хорошего.

Я смеюсь и протираю ладонью запотевшее круглое зеркало. Вика говорит, что будет у меня через пятнадцать минут. Закончив короткий разговор, внимательно смотрю на свое отражение и не могу не заметить исчезновения темных кругов под глазами и впалых щек. В последнее время у меня появился аппетит, и Лара сказала бы, что в лучшую сторону. Пеку себе блинчики, жарю любимые сырники и с удовольствием поглощаю огромные куски пиццы на дрожжевом тесте собственного приготовления. Кажется, я стала набирать потерявшиеся за несколько месяцев килограммы, и меня радует, что теперь не буду похожа на ходячую мумию.

– Сюрпра-а-а-а-йз! – кричит Вика на весь подъезд, когда я открываю перед ней входную дверь. Отлично, наверняка ее ор все бабульки услышали. Она держит в руках бутылку шампанского и большой картонный пакет с изображением Деда Мороза. – Как в старые добрые времена!

Мы обнимаемся. Вешаю Викину лисью жилетку на чуть покосившуюся вешалку, пока она снимает высоченные сапоги.

– Ты бы предупредила заранее, что останешься на ночь, я бы приготовила что-нибудь особенное.

– Особенное? – довольно улыбается подруга и затягивает длинные рыжие волосы в неряшливый хвост. – Знала, что именно так и будет, поэтому ничего не говорила тебе. А на ужин я купила роллы.

– Я их сто лет не ела!

Вика берет пакет и проходит в спальню. Пока я убираю шампанское в морозилку и достаю бокалы из шкафчика, она переодевается в домашние серые штаны и розовую майку на тонких бретельках. Включаю маленький плоский телевизор на кухне и ищу музыкальный канал.

– Сейчас обожремся! – восклицает подруга и ставит на стол черный полиэтиленовый пакет с нашим ужином. – Я так устала! Сегодня снимали фотопроект для мехового салона в декабрьский номер, и какая-то жесть творилась. Сначала на площадку привезли не те шубы и куртки, которые хотел прорекламировать заказчик, пока мы ждали нужные, модель из агентства попала в ДТП, и пришлось срочно искать другую девочку! Если бы она не

опоздала на съемку, то ничего бы с ней не случилось. Мгновенная кара! – рассказывает Вика, выкладывая на стол картонные коробки с роллами. – А чем занималась ты? А! У тебя был день шопинга, да?

– Точно, и прошел он великолепно. Чувствую приятную усталость.

Вика смотрит на меня с едва уловимой улыбкой. Я машинально ставлю руки в боки и приподнимаю бровь:

– Что?

– Ничего, просто давно не видела тебя такой хорошенькой.

– Даже не хочешь узнать, что я прикупила себе?

– Конечно, хочу, но сначала мы поедим, а потом пойдем в спальню с шампанским и конфетами, которые остались в моем волшебном пакете, и после того, как ты покажешь мне свои обновки, я тебе кое-что дам.

С подозрением смотрю на нее и достаю стаканы для сока.

– Если бы сейчас нас кто-то слышал, то подумал бы, что мы с тобой любовницы, – говорю я, открывая пакет апельсинового напитка.

Вика отмахивается и садится на стул, подгибая под себя ногу.

– А где ты взяла пакет с Дедом Морозом? В магазинах еще нет новогодней атрибутики.

– Это с прошлого года остался, кто-то, наверное, подарил в нем что-то папе. Нашла в гардеробной. Ну, приятного аппетита!

– Приятного аппетита, – отвечаю я, и мы обе разрываем упаковки с деревянными палочками.

По телевизору показывают давнишний клип Джастина Тимберлейка. Есть такие песни, которые не стареют со временем, и What Goes Around – одна из них. Жуя роллы с креветками, мы с подругой тихонько качаемся в такт медленной музыке.

– Ты очень похожа на Скарлетт Йоханссон, – говорит Вика с набитым ртом. Эту фразу я слышу от нее уже в тысячный раз.

Поднимаю глаза на экран как раз в тот момент, когда красавица актриса смотрит в камеру и прикусывает нижнюю губу. Не могу сказать, что мне неприятно слышать в свой адрес подобное, но я действительно не нахожу ничего общего между собой и голливудской актрисой, которая обладает удивительной красотой и шармом, чего у меня, к сожалению, нет.

– У тебя губы такие же пухленькие и эта овальная складочка над подбородком, просто копия! – не унимается подруга, глядя то на меня, то в телевизор. – Кстати, ты молодец, что избавилась от сухих кончиков, волосы стали гуще и здоровее.

– Все-то ты замечаешь!

Вика довольно кивает и отправляет в рот очередной ролл. Через двадцать минут, когда с ужином покончено, я достаю шампанское из морозилки, Вика берет бокалы, и мы переходим в спальню. Усаживаемся на пушистом махровом ковре перед телевизором.

– Может, включим наш обожаемый фильм? – предлагает она, открывая коробку с конфетами. – Хочу полюбоваться красавчиком Эдвардом! Ох, ну неужели такие мужчины существуют только в кино?

Я смеюсь и согласно киваю, зная, что речь идет о всемирно известной «Красотке» с Джулией Робертс и Ричардом Гиром.

Через пару минут по телевизору начинаются заглавные титры киноленты и звучит знакомая музыка. Я боюсь открывать шампанское, потому что Лара постоянно рассказывала о своем коллеге, которому пробка выбила глаз, поэтому протягиваю бутылку Вике – она умеет это делать тихо и безопасно.

– Дорогая моя, сейчас я буду говорить долго и много. Возможно, ты устанешь слушать, но прошу, впитывай каждое мое слово, хорошо? – Вика ловко открывает шампанское, наливает его в бокалы, отставляет бутылку в сторону и берет свой фужер. – Уверена, что Лара, которая сейчас смотрит на нас, очень рада, что мы с тобой как в старые добрые времена вновь сидим на этом ковре и смотрим «Красотку». И я точно знаю, что она очень гордится тобой. Этот год был слишком тяжелым для тебя, но ты смогла взять себя в руки и сделать все, о чем мечтала твоя тетя: закончила университет, получила диплом, несмотря на то горе, что свалилось на тебя. Ань, ты очень сильная девушка, и я безмерно тебя люблю.

На глаза накатились слезы, и я изо всех сил стараюсь не разреветься.

– Время лечит. Я уже вижу, как ты преобразилась. Очень надеюсь, что новая работа поможет тебе начать свою жизнь сначала. Помнишь, ты говорила мне, как мечтаешь открыть свою маленькую уютную гостиницу на берегу моря?

Я киваю, глядя сквозь слезы на пузырьки в моем бокале.

– Ты хотела кормить своих постояльцев домашней выпечкой и дарить им магниты с изображением твоей гостиницы на память.

– А когда летний сезон заканчивался, закрывала бы все двери и жила на первом этаже. Читала бы книги в кресле-качалке и смотрела на бушующее море, – заканчиваю, вытирая слезу с щеки. Да, я всегда говорила Ларе и Вике, как сильно хочу жить у моря, вдыхать морской воздух, любоваться закатами и рассветами из широких окон спальни и выходить по утрам на пляж, чувствуя прохладный песок под босыми ногами. – Ты это помнишь…

– Конечно, помню, Анют. И не хочу, чтобы ты забывала свою мечту.

Всхлипываю и улыбаюсь одновременно, а Вика гладит меня по плечу.

– Надеюсь, что новая работа принесет тебе не только финансовую стабильность, но и изменит твою жизнь, – подытоживает она, поднимая бокал. – Ну, за тебя, моя хорошая!

Мы чокаемся, выпиваем залпом золотистый напиток и закусываем конфетами.

– А теперь показывай все, что купила сегодня!

Следующие двадцать минут я примеряю обновки, кривляясь перед зеркалом – шампанское здорово ударило в голову. Вика восхищенно хлопает в ладоши всякий раз, когда я начинаю дефилировать. К тому моменту как героиня Джулии Робертс принимает утреннюю ванну, напевая песню Принца, мы с подругой уже лежим на ковре с раскиданными подушками. Шампанского в бокалах осталось по три глотка, а конфет в коробке всего две.

– Я тут на днях видела Пашу. Спрашивал о тебе, – говорит Вика сонным голосом. Она смотрит в экран телевизора, и ее глаза уже не так живо реагируют на действия героев.

– Надеюсь, ты сказала, что у меня все замечательно?

– Конечно.

– Мо-ло-дец, – с расстановкой говорю я, крепче обнимая мягкую подушку.

– Козел он, Ань. Надеюсь, когда-нибудь получит по своей слащавой морде крепким кулаком.

Мне не хочется портить этот славный вечер воспоминаниями о том, кто бросил меня в самую трудную минуту. Время излечило мое сердце, я уже не чувствую той боли и обиды, что были поначалу, но больше никогда не подпущу этого человека к себе.

– Думаешь, у меня получится? – спрашиваю, переворачиваясь на живот. – Я уезжала отсюда всего один раз в десятом классе, и то на две недели, а тут целых полгода! Там нет никого, кого бы я знала. Вечный мороз и вьюги. Но черт возьми, то место – потрясающе красивое!

– А ты Скарлетт Йоханссон, и перед тобой открыты все дороги. Главное, почаще улыбайся. Твоя улыбка способна растопить лед.

– А что, если я им не понравлюсь? Меня даже не видели, не проводили собеседование, а сразу взяли на работу. Как такое возможно?

Вновь переворачиваюсь на спину, смотрю на белый потолок, и люстра в моих пьяных глазах немного кружится.

– Руководство, а точнее, тот, кто занимается подбором кадров, видел тебя. Я отправляла фото. Выбрала самое классное. Ты там на какой-то конференции, в белой рубашке и собранными в пучок волосами. Такая серьезная мадам.

– У-у-ужас! – тяну я, закрывая лицо руками.

– Ты будешь скучать по мне? – вдруг спрашивает Вика, сев на корточки. – Сильно-сильно?

Я бы тоже поднялась, но мое тело окутала пьяная лень, поэтому продолжаю лежать на ковре.

– Что за глупые вопросы, конечно же, буду!

Она задумчиво кивает, как будто сомневается в моем ответе. Ее неряшливый хвост вовсе распустился, и длинные лохматые пряди раскинулись по спине и плечам.

– А как думаешь, тебе будет одиноко, когда ты заселишься в свой номер послезавтра?

Не выдерживаю и все-таки сажусь напротив подруги, решившей завалить меня вопросами, ответы на которые прекрасно знает сама.

– Так, в чем дело?

– Отвечай на вопрос! – требует она.

Я недовольно вздыхаю.

– Безусловно, мне будет одиноко, потому что я буду скучать по тебе и дому. Да я уже скучаю!

Вика вновь едва заметно кивает и с трудом встает на ноги. Берет большой пакет с Дедом Морозом, показавшимся мне каким-то безразмерным, и опускается на колени рядом со мной.

– Не хочу, чтобы ты чувствовала себя одиноко. Мы с тобой будем созваниваться и общаться по скайпу, но я знаю, что от переизбытка чувств ты можешь так разреветься, что на следующий день вместо глаз у тебя будут теннисные мячики! Ты, кстати, взяла подушечки для век на такой случай? А то черт его знает, есть ли в этой Лапландии магазины.

– Господи, что ты несешь? – смеюсь я, совершенно не понимая, о чем конкретно мы сейчас говорим. – Кажется, кто-то перепил, да?

Вика оставляет мой вопрос без ответа и вытягивает из пакета два свертка разных размеров в серебристой и золотой упаковочной бумаге.

– Пока я окончательно не вырубилась, слушай меня внимательно, хорошо?

Согласно киваю.

– Эти подарки ты откроешь, когда заселишься в номер. Хочу, чтобы после долгой дороги, которая, дай бог, окажется не такой тяжелой, как рисует мое воображение, ты устало развалилась на своей новой кровати и разорвала эти бумажки. Уверена, у тебя тут же поднимется настроение.

Смотрю на пьяную подругу, которая готова вот-вот упасть на подушки и крепко заснуть, и вновь задаюсь вопросом: за что судьба подарила мне этого удивительного человека?..

– Обещай, что не откроешь их сегодня, когда я отрублюсь, или завтра, когда станешь собирать чемодан, а меня рядом уже не будет, – требует она, все еще крепко сжимая два блестящих свертка.

– Обещаю!

– Отлично. А теперь положи-ка их куда-нибудь подальше, чтобы не мозолили твои глаза, а я пока сползаю в туалет.

Вика отдает мне свертки и, спотыкаясь, скрывается в коридоре. Кладу подарки на комод. Достаю толстое одеяло из овечьей шерсти и сворачиваю в два раза, чтобы получилось некое подобие матраца. Стелю светло-розовое постельное белье и кидаю все маленькие подушки на воображаемую одноместную кровать для Вики. Ей нравится спать именно здесь, понятия не имею почему.

Через пару минут она лежит на полу, укрытая мягким покрывалом, и я выключаю люстру. Героиня Джулии Робертс кричит на Эдварда из-за его длинного языка. Ему не следовало поддаваться порыву ревности и разбалтывать своему другу, чем она зарабатывает на жизнь. Не люблю этот момент. Хотя ревность есть не что иное, как доказательство чувств, таящихся глубоко в сердце. Странно… И откуда это у меня такие познания в делах сердечных? Должно быть, шампанское хорошенько треснуло по голове.

Убавляю звук телевизора и ложусь в кровать. Смотрю на то, как светится блестящая бумага на подарках, и гадаю, что там может находиться. Викины сюрпризы всегда слишком дорогие, и мне неловко принимать их, а взамен дарить очередной книжный бестселлер. На самом деле я просто не знаю, что нужно человеку, у которого все уже есть. Я люблю читать и считаю, что книга никогда не потеряет своей актуальности и своеобразной изысканности, поэтому в качестве подарка – весьма достойный вариант.

Мои мысли плавно сменяют друг друга, и я уже не так внимательно смотрю фильм и практически не замечаю слабого сопения Вики. Мое тело окутывает приятная слабость, и я проваливаюсь в глубокий сон под приятную мелодию из любимого фильма.

Глава 2

– Такси! Девушка, такси! – выкрикивает кучка мужиков при выходе из здания аэропорта. Они одеты в теплые пуховики, дубленки и норковые шапки-ушанки. Судя по их красным лицам они уже давно здесь стоят на морозе, ожидая очередных пассажиров. – Нефтеюганск, Сургут! Куда вам надо?

Прохожу мимо, стараясь не смотреть им в глаза. Слава богу, что я послушала Вику и упаковала чемодан в пленку, которая в некоторых местах уже разодрана. Не будь ее, он был бы весь в дырках.

Отхожу в сторону, чтобы никто не мешал мне внимательно осмотреть большую парковку, где уже должно стоять мое такси.

На улице очень холодно. Воздух колючий и плотный, вдохнуть его полной грудью для меня пока затруднительно. Надеюсь, мой организм привыкнет к этой среде. Когда мы подлетали к Ханты-Мансийску, пилот сообщил, что внизу минус семнадцать градусов. Возможно, для местных жителей это не собачий холод, но у меня уже коченеют пальцы на руках. Прячу нос в шарф, который намотала на шею еще в самолете, снимаю тонкие перчатки и натягиваю вязаные варежки. В них рукам становится теплее.

Время только начало четвертого, а уже начинает смеркаться. Пробегаю глазами по автомобилям с шашечками. Мое такси – золотая «Дэу Нексия» – прячется за белой иномаркой. Я сделала заказ еще вчера на сайте компании. После этого засунула ноутбук в специальную сумку и положила на столик в гостиной, чтобы утром при сборах был на виду. О том, что я его там и оставила, вспомнила только в аэропорту Екатеринбурга, когда сдавала чемодан в багаж. Досадно, конечно, но не смертельно. Для связи с Викой есть мобильник.

Подхожу к машине, стучу в закрытое окошко и кричу:

– Я к вам!

Бородатый водитель лет пятидесяти тут же выскакивает из автомобиля.

– «Снежные холмы»? – спрашивает он прокуренным голосом.

– Да.

Мужчина берет мой чемодан и небрежно кидает его в багажник. Создается впечатление, что ему не терпится уехать отсюда. Он резко захлопывает крышку багажника, и едва я успеваю сесть на заднее сиденье, как машина рывком трогается с места.

– Пристегнитесь, – буркает таксист.

– Хорошо, – тихо отвечаю я и послушно выполняю приказ.

Мне хочется спросить его о расстоянии до курорта и как долго мы будем ехать, но грозный взгляд маленьких глазок, которые я вижу в зеркале заднего вида, заставляет держать рот на замке. Не хватало еще, чтобы этот мужик наорал на меня и выкинул где-нибудь на обочине.

Водитель облегченно вздыхает, когда перед нами открывается шлагбаум, и шустро выезжает на дорогу, тщательно убранную от снега. Теперь я понимаю, почему он торопился и был таким недовольным. Все дело в парковке, где бесплатная стоянка разрешена только тридцать минут, а за последующее время надо платить.

Мы проезжаем мимо небольшого промышленного здания и останавливаемся на светофоре. С серого неба падают редкие снежинки, и автомобильные дворники громко шарпают по лобовому стеклу. Люблю зиму за волшебное настроение, которое дарят новогодние праздники. Снегопады и холод только распаляют во мне предновогоднюю суматоху, но когда всеобщее веселье заканчивается – зима перестает быть для меня прекрасной. Тогда я погружаюсь в свои мечты, где сижу на шезлонге под ярким солнцем, наслаждаюсь морским бризом и слежу за счастливыми постояльцами моей небольшой гостиницы.

– Едете отдыхать? – прерывает мои мысли водитель.

Не могу оторвать глаз от затертой внутренней ручки двери – всегда засматриваюсь в одну точку, когда задумываюсь. Его голос теперь кажется мне намного бодрее, чем был в начале нашей встречи.

– Нет, на работу.

Сумерки постепенно сгущаются, и я вновь удивляюсь тому, как быстро темнеет в этом краю. Наверняка, когда мы доберемся до места, будет казаться, что уже глубокая ночь.

– Разве сезон еще не начался?

– Открытие через пять дней.

Мне совсем не хочется общаться, но мужчина явно желает поболтать.

– Никогда там не был. Разве что на парковке, где высаживал пассажиров. А вы к нам откуда?

– Из Екатеринбурга, – отвечаю я, печатая эсэмэску Вике. Сообщаю, что долетела хорошо, еду в такси с очень разговорчивым водителем. Позвоню ей, как заселюсь в номер.

– Бывал там однажды проездом. Давно здесь работаете?

– Первый сезон.

– Надо же! Местная молодежь все рвется куда-нибудь южнее, а вы – наоборот, к снегам и собачьему холоду. Не поверю, что в вашем городе нет достойной работы для такой красивой девушки.

Мужчина смеется и закашливается. Меня злят его тон и оценивающий взгляд, который я поймала в зеркале. Хочется прикрикнуть, чтобы не лез не в свое дело и молча выполнял свою работу, но боюсь, что за такую грубость он точно вышвырнет меня на обочину.

– Вы, случаем, не из тех молодых особ, которые жаждут развлечений и отправляются в разные точки планеты за адреналином и новыми впечатлениями?

– Случаем, не из тех. Я вам уже сказала, что приехала работать.

– А кем, если не секрет?

– Администратором в гостинице.

– А что конкретно вы будете делать?

Неужели ему и впрямь это интересно?

– Встречать гостей, – отвечаю я, стягивая шапку. Наконец согрелась. – Заселять их в номера и отдельные домики. Помогать решать разные проблемы.

– И вам нравится это?

– Очень.

Водитель вздыхает и качает головой, как будто не может поверить в услышанное. Смотрю в зеркало заднего вида, в котором отражаются его темные глазки, и мне кажется, будто в них бегают насмешливые огоньки. Будь на моем месте Вика, то, не задумываясь, отчитала бы его по полной программе.

Не желая больше общаться, утыкаюсь в телефон, но сеть не ловит. Я подвигаюсь поближе к холодному окну и рисую на замерзшем стекле звезды и снежинки.

– Снегопад усиливается, – говорит водитель спустя двадцать минут тишины. Я даже чуть не задремала за это время. – По радио еще вчера передавали штормовое предупреждение и, как видно, не ошиблись.

За окном уже ничего не видно, кроме темной стены высоких сосен по обеим сторонам трассы и красных огней едущей впереди машины.

– Долго еще до места? – спрашиваю я.

– Минут тридцать, – отвечает бородач и подвигается ближе к лобовому стеклу. Он внимательно смотрит на дорогу, и я чувствую, что скорость автомобиля постепенно уменьшается.

Мужской голос по рации говорит, что при въезде в город произошла авария и теперь там образовалась огромная пробка. Водитель явно расстраивается, громко вздыхает и крепче сжимает руль. Конечно, ему ведь еще туда возвращаться!

Когда через несколько минут автомобиль начинает плавно тормозить, я вижу большой освещенный указатель «Снежные холмы – 15 км» и стрелку направо.

Облегченно вздыхаю, ведь мы едем уже второй час, и в моей голове несколько раз проскользнула мысль о том, что никакого курорта не существует и меня везут неизвестно куда.

Автомобиль медленно сворачивает на узкую дорогу, занесенную по бокам высокими сугробами. Видимо, совсем недавно здесь поработал трактор. Наверняка в светлое время суток тут очень красиво, но сейчас, во мраке, мне становится не по себе от мысли, что какой-нибудь голодный зверь может скрываться за этими величественными соснами.

Снежные хлопья летят на свет фар, словно множество мотыльков, и мне сложно разобрать, что там впереди. Чудится темная гора, которая постепенно исчезает, и на ее месте появляется не то домик с покатой крышей, не то какое-то чудище. Не знаю, как водитель видит дорогу сквозь снег, который с каждой минутой все сильнее скрывает асфальт.

Едем то вверх, то вниз. Когда в очередной раз спускаемся, мне мерещатся тусклые огоньки, мерцающие в густом лесу.

«В городе много аварий, будьте осторожны, ребята!» – говорит диспетчер по рации. Водитель громко вздыхает и прибавляет газу. Я знаю, что ему не терпится поскорее избавиться от меня и отправиться домой. Только если он живет в городе, то добираться туда будет не два часа, а гораздо дольше, ведь с каждой минутой видимость становится все хуже.

Мой телефон издает короткий звук – входящее сообщение.

«Ты уже там?» – спрашивает Вика без единого смайлика. Это плохой знак. Значит, злится или нервничает.

«Подъезжаю. Из-за снегопада едем медленно. Позвоню, как заселюсь».

Едва нажимаю на отправку, как мое тело с силой припечатывается в левую дверь и я ударяюсь лбом о холодное стекло. Хватаюсь за ремень безопасности, который сдавливает мне шею, и чувствую горячую боль под подбородком. Мне удается ухватиться за спинку водительского сиденья, и я пытаюсь подтянуться и отодвинуться от выпуклой дверцы насколько это возможно, но у меня ничего не выходит.

– Сто-о-ой! – кричит водитель в темноте.

Удивительно, но автомобиль резко останавливается, словно повинуясь своему хозяину, а меня отшвыривает в противоположную сторону. Часто дыша, вытаскиваю свою ручную сумку, оказавшуюся подо мной, и с опаской гляжу по сторонам.

– Жива? – спрашивает бородач, поворачиваясь ко мне.

Киваю, не в силах произнести и слова. Удостоверившись, что я в порядке, мужчина пытается открыть свою дверь, но безуспешно. Я отстегиваю ремень безопасности, чувствую боль на лбу – видимо, хорошо ударилась – и смотрю вперед.

– Мы врезались? – спрашиваю я.

Мужчина громко матерится, с трудом перелезает на переднее пассажирское сиденье, дергает ручку и вываливается на улицу.

Я натягиваю шапку и тоже покидаю машину. Мои угги тут же проваливаются в глубокий снег.

– Закрой дверь! – рявкает водитель, стоя рядом со мной. – Не впускай в салон холод.

Поспешно захлопываю дверцу и прячу руки в карманы пуховика. Из-за высоких деревьев, макушки которых постепенно вырисовываются в темно-синем небе, здесь не слишком ветрено.

– Что случилось? – спрашиваю я.

Мужчина что-то бухтит себе под нос. Не дождавшись внятного ответа, повторяю вопрос. Черт возьми, я, как пассажирка, имею право знать, что произошло!

– А сама-то как думаешь?! – гаркает он, с трудом обходя автомобиль, утопая в глубоком снегу почти по самые бедра.

Глаза привыкают к темноте. Решаю отойти подальше от машины, чтобы посмотреть на общую картину нашего положения.

– И как вас угораздило въехать в эту кучу?! – ахаю я, разглядев, что автомобиль покоится в огромном сугробе, наваленном на обочину снегоуборочной техникой.

Видимые части машины – багажник, половина крыши и правая сторона. Судя по всему, из-за скользкой дороги такси занесло на очередном повороте.

– Черт бы все подрал! – орет мужчина и залазит обратно в такси.

Мотор заводится, и меня это радует, по крайней мере в салоне можно погреться в ожидании помощи. Другое дело, как скоро эта помощь прибудет, ведь снегопад только усиливается.

Наблюдаю, как машина безуспешно пытается выехать задним ходом из сугроба, и без остановки шепчу: «Ну, давай же, давай!» С каждым рывком колеса увязают в снегу и быстро прокручиваются.

– Что ты стоишь?! – орет мужчина, приоткрыв дверь. – Помоги хоть как-нибудь!

Я даже растерялась от такого грубого, приказного тона и не нашлась, что ответить.

– Толкни машину! – вновь взрывается таксист.

– Хватит на меня орать! – не выдерживаю я, топнув ногой, словно маленький ребенок. – Я никак не смогу вам помочь, я не Геракл! Позвоните своему начальству, или к кому вы обычно обращаетесь, когда что-то случается…

Водитель глушит мотор и вываливается на улицу. Не хватало еще попасть под его горячую руку, но молчать в ответ на хамство я тоже не собираюсь!

– Ты быстро бегаешь? – вдруг спрашивает он, уставившись на меня.

– Чего?..

– Ты молодая, добежишь до стоянки минут за тридцать-сорок, тут осталось-то не больше двух километров! Вызовешь подмогу.

Не верю собственным ушам и начинаю нервно хихикать.

– Это что, шутка такая?

– Твою мать, какие могут быть шутки, девочка? Мы застряли, нужно выбираться! Мой телефон здесь не ловит, твой, думаю, тоже. Никто за нами сюда не приедет, сама слышала, что в городе творится.

– Подождите… то есть вы, взрослый мужчина, отправляете меня неизвестно куда за помощью? – продолжаю смеяться я.

– А я что, неясно выразился? Или у тебя уши отмерзли?

Нет, это уже переходит все границы, и я взрываюсь:

– Вы хамите мне с самого начала поездки! Сначала швыряете мой чемодан в багажник, чтобы успеть выехать с парковки, не заплатив ни копейки за стоянку. Потом потешаетесь надо мной за то, что я по доброй воле приперлась на север морозить свой зад! А теперь вы мне «тычете» и приказываете бежать туда, – машу я рукой в сторону дороги, – в темноту, в полнейшем одиночестве, пока вы будете сидеть в теплой машинке и ждать эвакуатор?! Вы не доставили меня в пункт назначения, я ударилась головой о стекло, и кто знает, к чему это может привести! А если через пять минут я свалюсь в обморок и замерзну в этом чертовом месте только потому, что вы не соизволили оказать мне первую помощь и не попробовали самостоятельно найти выход из сложившейся ситуации?!

Мой крик нарушил зловещую тишину темного леса. Понятия не имею, что на меня нашло, но после пламенной речи чувствую невероятное облегчение вопреки удручающим условиям, в которых мы с этим чудаком оказались.

Снежинки тают на моем горячем лице, приятно охлаждая кожу. Делаю глубокий вдох и не спеша выдыхаю.

– Извините, но я никуда не пойду в такой мороз, да еще не зная дороги, – говорю спустя несколько минут, устало глядя на мужчину. – В конце концов, нам может помочь проезжающий автомобиль…

– Ты видела хотя бы одну машину, пока мы ехали? – уже спокойнее спрашивает бородач. Я отрицательно качаю головой. – Вот именно. Пока сезон не начался – здесь глухо. Нам не откопать мое такси без лопаты, а ее у меня нет.

Оказывается, этот мужик такой же трус, как и я. Он ведь знает эти места и дорогу, так почему бы ему не привести помощь? Решаю проверить связь на сотовом, но в карманах пуховика пусто. Вспоминаю, как писала сообщение Вике, после чего и началась вся эта заварушка. Значит, мой телефон валяется сейчас где-то в автомобиле.

С трудом добираюсь до машины и распахиваю дверь, невзирая на недавнее строгое замечание водителя. На потолке загорается тусклая желтая лампочка. Поднимаю с пола какие-то буклеты, под которыми и прячется мой мобильник, хватаю его и иду обратно на середину дороги.

– Есть связь? – спрашивает бородач, бессмысленно очищая снег с крыши автомобиля.

– Нет.

Меня раздражает его голос, и я отхожу подальше в надежде, что появится значок-антенна. Уже не чувствую холод и не обращаю внимания на хлопья снега, которые липнут к ресницам. Я просто хочу поскорее убраться отсюда, принять горячий душ и лечь в постель. Ей-богу, эти несколько часов так вымотали меня, что я даже реветь не смогу, как предполагала Вика.

Слышу, как кто-то отвечает по рации, а водитель громко объясняет, что засел в огромном сугробе.

– Ну, что? – с надеждой спрашиваю я через пару минут.

– Кроме меня за город никто не выезжал, а там творится черт знает что. Ближайшие часов пять помощи можно не ждать. Снег будет валить еще долго, а

видимость никакая…

– И что же нам делать?..

– Оставаться в машине! Хорошо, что она еще заводится.

– Подождите, я не могу пять часов просидеть здесь, когда чуть ли не под боком находится база. Вы должны пойти туда и привести помощь!

– Это тебе идти туда полчаса, а мне с моими больными ногами понадобится целых два. За это время я успею замерзнуть, а снег спрячет мое мертвое тело.

– Господи, что вы говорите такое? – ахаю я, испугавшись его слов. – Неужели вы и впрямь собираетесь сидеть здесь сложа руки?

– А что я могу сделать?! – взрывается он, яростно пнув сугроб. Инстинктивно отступаю на шаг назад, боясь, что в порыве злости бородач врежет мне по лицу. – Извини, что подверг тебя опасности и не привез, как ты говоришь, «в пункт назначения», можешь не платить мне! Считай меня трусом, мне все равно, но я не брошу свою машину. Когда снегопад пройдет – за нами приедут.

Смотрю, как он садится в автомобиль и говорит что-то по рации. В лесу раздается треск, заглушаемый шумом работающего двигателя такси. Если бородач прав и пешком до базы полчаса, то я вполне могу добраться туда на своих двоих. Другое дело – холодная темнота и причудливые тени, которые рисует мое воображение.

Глубоко вздыхаю, набираясь сил, и иду к машине. Забираю свою замшевую сумку и перебрасываю ее через плечо. Да, Лара бы не одобрила мое решение.

– Далеко собралась? – спрашивает водитель, убавляя обороты печки.

– В ваши долбаные «Снежные холмы», – недовольно отвечаю я его же словами. Хлопаю задней дверцей и открываю переднюю, чтобы лучше видеть и слышать водителя. – Дорога ведет прямо к курорту? Никуда не нужно сворачивать?

– Нет, но она извилистая, с постоянными затяжными поворотами, ты просто иди по ней, и все.

Ни слов благодарности, ни напутствия он не говорит. Вот гад!

– Когда люди с базы приедут вас вытаскивать, прошу, отдайте им мой чемодан.

– Точно! Чемодан же еще! – восклицает он и вываливается из машины. – Хорошо, что напомнила, а то так бы и уехал с ним.

– Эй, что вы делаете?! – кричу я, не понимая, почему он вдруг обходит свой горячо любимый автомобиль и останавливается у багажника. – Я говорю, что вы потом отдадите его людям с…

– На! – перебивает он, бросив чемодан в снег. Захлопнув крышку, обходит меня и возвращается на переднее пассажирское сиденье.

– Это местная доброжелательность такая?! – вновь взрываюсь я. – Мне ведь с ним тащиться намного дольше! Да еще и по снегу! Вы с ума сошли?!

– Девочка, я же сказал тебе – не надо мне платить. Просто бери свой чемодан и иди. Если кто-то приедет за мной раньше тебя – я свалю из этой чертовой дыры, не оглядываясь. Мне сегодня столько знаков было послано, чтобы не ехать сюда, но я на все закрыл глаза ради несчастных трех с половиной тысяч, идиот!

– За весь вечер вы впервые сказали правильное слово, последнее.

Кому расскажи – не поверит. Впервые сталкиваюсь с таким тупым, лишенным здравого смысла существом, которого не то что мужчиной, даже человеком назвать нельзя. Я обескуражена до такой степени, что не могу сдвинуться с места и заставить себя убраться от этого наглого индюка подальше.

Спустя несколько минут с трудом выталкиваю чемодан на дорогу. Сугробы на обочине слишком высокие, и я умудряюсь набрать в угги много снега. Вытряхиваю их по очереди, поправляю шапку, застегиваю пуховик и надеваю варежки. Вытаскиваю из чемодана ручку и иду вперед. Маленькие колесики увязают в снегу, который без остановки засыпает землю, и я буквально волочу

багаж за собой. Шагаю по центру проезжей части, чтобы ненароком не сбиться с пути. Вскоре воображение начинает рисовать причудливые картины, от которых по спине пробегает холодок.

Мне мерещатся то горбатый медведь, то огромное чудовище, прячущиеся за деревьями. Снег скрипит под ногами, и каждый мой шаг эхом отдается в темной чаще. Дышу ртом, хотя знаю, что это неправильно. Стараюсь идти как можно быстрее, но чемодан за спиной замедляет мой ход.

Что бы сказала Лара, если бы знала, что я в совершенно незнакомом месте в полном одиночестве, посреди холода и бесконечного снега? Задаюсь вопросом и сама не верю, что решилась на этот поступок. Я ведь та еще трусиха. Даже не решаюсь прокатиться на американских горках, которые каждое лето работают в центральном городском парке.

Внезапный шум глубоко в лесу заставляет меня замереть на месте. Что-то глухо гудит и медленно перемещается из стороны в сторону. Внимательно вглядываюсь в гущу деревьев, окутанную зловещей тьмой, и ночные тени играют с моим напуганным разумом. Я не шевелюсь и не дышу, боюсь, что одно едва заметное движение может навлечь на меня воображаемого зверя, притаившегося за сугробами. Ветки пушистых елей содрогнулись, и клубки тяжелого снега резко упали на землю.

«Белка, это просто белка», – говорю я себе.

Громкий треск веток с другой стороны дороги пугает меня настолько, что я, бросив чемодан, бросаюсь в мрачную неизвестность. Темнота превращает страхи в реальность, и я уже чувствую, как в спину мне дышит огромный медведь, желающий полакомиться свежим мясом. Бегу что есть сил, но ноги постоянно скользят и проваливаются в снег. Мне не хватает воздуха, не хватает света и сил, чтобы оторваться от своего вымышленного преследователя. На очередном повороте я поскальзываюсь и падаю в глубокий снег на обочине.

Проходит несколько минут, прежде чем решаюсь открыть глаза и пошевелиться. Ноги намокли и замерзли, а в горле першит так сильно, что больно глотать. Такое чувство, что прошло несколько лет с тех пор, как я пила утренний кофе на своей кухне, как летела в самолете в незнакомые северные края, полная надежды начать жизнь с чистого листа.

Сижу в небольшой снежной ямке и смотрю на мрачный лес. Не знаю, сколько еще идти до «Снежных холмов», поэтому решаю немного отдохнуть и успокоиться. Мне страшно от странных звуков, исходящих из чащи, мои зубы стучат от холода и от мысли о том, что ни одна живая душа не знает, где я точно нахожусь, на глаза наворачиваются слезы.

С трудом достаю телефон из кармана пуховика и смотрю на темный экран. Нажимаю на кнопку разблокировки, но ничего не происходит.

– Отлично, – шепчу я, засунув мобильник обратно в карман. Мой телефон замерз, и скоро меня ждет та же участь, если не поднимусь и не пойду дальше.

Возможно, Вика уже паникует, ведь я так и не позвонила ей. Она будет умолять своего папу сделать все, чтобы разыскать меня, и к тому моменту, когда меня отыщут в этих заснеженных краях, мое тело превратится в ледяную статую. Если я сама сейчас же не выберусь отсюда, то в скором времени смогу встретиться с Ларой, которая будет не слишком-то и рада нашей встрече на небесах…

Заставляю себя встать и идти, но тело превращается в мягкую вату, и мне даже лень пошевелить рукой. Хочется спать, немного отдохнуть перед дальней дорогой. Через несколько секунд мои глаза закрываются. Снег продолжает засыпать все вокруг, и я слышу его легкий шорох, который убаюкивает меня, как сладкая колыбельная.

Глава 3

Первое, что вижу, с трудом приоткрыв глаза, – маленькие тусклые огоньки, разбросанные, словно далекие звезды на темном небе.

Оказывается, я лежу на длинном диване перед большим телевизором, вмонтированным в стену. Рядом стоит деревянный столик на низких фигурных ножках, а на нем – моя замшевая сумка и сотовый телефон. Комната, в которой нахожусь, похожа на гостиную, с деревянными панелями на стенах, пушистым темно-коричневым ковром неровной формы и множеством точечных

светильников на потолке. Вместо двери – широкая квадратная арка, обрамленная светлым декоративным кирпичом. Где-то в глубине дома слышится звон посуды и гул закипающего чайника.

Сажусь на край дивана и вижу на своих ногах теплые носки, похожие на те, что вязала мне Лара, когда я была маленькой. Приподнимаю одеяло и с ужасом понимаю, что кто-то раздел меня до нижнего белья. Лихорадочно вспоминаю, как ехала с таксистом в «Снежные холмы», как мы врезались в огромный сугроб и как я шла с чемоданом по дороге. Помню, как упала, провалилась в снег и не решалась подняться, потому что из леса доносились зловещие звуки.

– Вы проснулись, – говорит высокий мужчина, внезапно появившийся за квадратной аркой. Я вздрагиваю и закутываюсь в одеяло. – Извините, не хотел вас напугать.

Из-за приглушенного освещения не могу разглядеть его лицо, лишь замечаю блестящие седые волосы. На незнакомце черные спортивные штаны и тонкий серый свитер, а на ногах такие же, как и у меня, вязаные носки.

– Я приготовил ужин, думаю, вы проголодались. Тут ваши вещи, – говорит он, указав рукой на мой чемодан, который стоит у окна, – можете переодеться. Надеюсь, у вас есть теплая одежда?

– Где я?..

– В «Снежных холмах», – спокойно отвечает мужчина, опираясь плечом на стену с декоративным камнем. – Вы ведь сюда добирались, верно?

Я киваю.

– Вы очень смелая девушка, но больше никогда не отправляйтесь в одиночку куда-либо, особенно в снегопад.

В его голосе слышится добрая насмешка, и я слабо улыбаюсь.

– Да уж… Постойте, там остался водитель! – выпаливаю я.

– С ним все в порядке. Как только наши ребята отстегнули трос от автомобиля, он тут же уехал. Мы просто решили прокатиться на снегоходах да проверить, насколько засыпало дорогу. Увидели машину в сугробе. Водитель решил, что его пассажирка добралась до «Холмов» и сообщила о нем, но никто из наших о ней, то есть о вас, ничего не слышал. Я поехал по дороге и чудом нашел вас, – заканчивает он, говоря обо мне с теплотой в голосе. – А ведь все могло закончиться очень плохо.

Краснею из-за собственной глупости, и он, заметив мое смущение, разворачивается на пятках и добавляет:

– Одевайтесь и приходите на кухню.

Встаю с дивана, продолжая прикрываться одеялом, весящим килограмм десять, не меньше. Сажусь перед чемоданом, на котором уже нет дырявой черной пленки, и расстегиваю молнию. В спешке вытаскиваю синие джинсы, свободный свитер кремового цвета и одеваюсь в считаные секунды. Решаю не доставать домашние тапочки, вязаные носки мне очень нравятся, хоть и немного покалывают. Достаю зеркало из косметички и с ужасом смотрю на собственное лицо. Нос и щеки неестественно красные, видимо, обморозила их, пока валялась в снегу. На лбу – большое бордовое пятно, которое при дневном свете будет выглядеть еще ярче, а на подбородке и шее – такого же цвета царапины. Господи, до чего прекрасный день…

Выхожу из комнаты и внимательно осматриваю широкий светлый коридор, соединяющий три темно-коричневые двери. На обеих стенах висят большие фотографии с изображениями снежных гор и улыбающихся лыжников. Под каждой фотографией имеется надпись.

«Вова, Стас, Кира и Макс. 2003 год», – читаю я под снимком с тремя мужчинами в ярких экипировках и черно-рыжим псом, гордо восседающим на куче снега.

Мое внимание прерывает тяжелый стук за очередной квадратной аркой, которая ведет к прихожей и, по-видимому, к кухне, откуда доносятся аппетитные запахи.

– Матерь Божья, я еле добралась до тебя! Если снег и правда будет валить всю ночь, нам придется очищать территорию целую неделю! – слышу я звонкий женский голос за стеной.

– А он будет валить, Свет, даже не сомневайся! – отвечает мужчина из кухни.

– Ну, знаешь, на носу открытие, а мы будем тратить… – говорит она, но тут же замолкает, заметив меня в коридоре. – Ой.

Пухленькая женщина в вязаной кофте на молнии и утепленном черном комбинезоне на широких лямках. Ее короткие темные волосы мокрые на лбу, круглое лицо красное от мороза, а тонкие губы накрашены ярко-сиреневой помадой.

– Как ты себя чувствуешь, милая? – спрашивает она, по-дружески дотронувшись до моего плеча. – Не болит голова? Ссадины на лице быстро пройдут, не переживай! Такую красоту ничто не испортит.

Удивленная таким гостеприимством, я не знаю, что сказать. Вместо этого сначала киваю, потом отрицательно качаю головой и, вконец запутавшись, сконфуженно улыбаюсь.

– Владимир Павлович, а Снегурочка-то наша очень скромная, – усмехнувшись, произносит женщина.

– И чрезвычайно везучая, – добавляет мужчина, выглянув из-за угла. Он приятно улыбается мне, и я не могу не ответить ему тем же.

– Это точно! Ну, милая, проходи на кухню, поешь, выпьешь чаю, согреешься. Ужин-то готов, Владимир Павлович?

– Спасибо, но мне совсем не хочется кушать, – говорю я и смущенно спрашиваю: – Где здесь туалет?

– Дверь за вами, – подсказывает мужчина. – Но не думайте, что вам удастся отказаться от ужина. Я ж старался!

Вновь благодарно улыбаюсь и поспешно скрываюсь за темной дверью. Ванная комната, совмещенная с туалетом, очень стильная и теплая. Смотрю на себя в большое квадратное зеркало и вновь ужасаюсь своему отражению. Такое чувство, что я бежала сквозь острые ветки, которые нещадно били и царапали

кожу. Надеюсь, что тональный крем справится с этим кошмаром, иначе кто-нибудь точно решит, что меня побили.

Спустя несколько минут выхожу в коридор. Мне неловко идти на кухню к незнакомым людям, которые не только проявили заботу, но и спасли меня от неминуемой смерти. Нервно разминаю пальцы и долго решаю, что же мне делать дальше.

– Идем скорее! – восклицает женщина, выглянув из дверного проема. – Мы заждались!

Меня, что ли? Ох, как же все-таки неудобно…

Быть может, если бы не попала в столь глупую ситуацию с тем таксистом, я бы и вела себя по-другому. Но сейчас мне безумно стыдно перед этим мужчиной. Наверняка думает, что я та еще идиотка.

Меня усаживают за круглый деревянный стол. Пухленькая женщина кладет передо мной бамбуковую салфетку и ставит белую тарелку.

– Спасибо, но я правда не голодна…

– Ничего не хочу слышать, – говорит она, махнув передо мной вилкой. – Никуда тебя не отпустим, пока не поешь как следует.

– Настоятельно вам советую не перечить Светлане Ивановне, иначе будет худо, – улыбается мужчина, ставя в центр стола деревянную подставку, а на нее горячую сковородку с золотистой жареной картошкой. – Она у нас женщина боевая и упрямая. Как сказала, так и будет.

– Владимир Павлович, вы и впрямь думаете, что я боевая? Господи, да я нежный цветочек, не надо из меня тут терминатора делать!

Я улыбаюсь, глядя, как эти двое веселятся. Вряд ли они супруги, скорее – хорошие друзья.

– Вот хлебушек и салатик, – Светлана Ивановна подвигает корзинку и глубокую миску поближе ко мне и садится на стул.

– Что будете пить? Есть яблочный сок, – предлагает мужчина, заглядывая в высокий узкий шкаф.

– В самый раз.

– Накладывай, пока горячее, не стесняйся! Владимир Павлович, хватит уже вертеться, садись!

Я послушно кладу себе ложку картошки и немного овощного салата с майонезной заправкой. Владимир Павлович включает небольшой телевизор на стене и устраивается слева от меня.

– Меня зовут Аня. Извините, что не представилась раньше, просто немного… растерялась.

Мужчина внимательно смотрит на меня, и я замечаю в его светло-серых глазах мелькнувший огонек. Его лицо покрыто мелкими морщинами, лишь на лбу разместилась самая глубокая и длинная, но они нисколько не старят его, а придают мужественность и особое обаяние.

– Очень приятно, Аня. Я – Владимир, а эта очаровательная женщина – Светлана Ивановна.

– И мне очень приятно с вами познакомиться, – отвечаю моим новым знакомым, прошу их обращаться ко мне на «ты», и они согласно кивают.

– Ты приехала сюда на работу? – спрашивает мужчина, накалывая на вилку картошку.

– Да, только вот немного не доехала.

– Сколько же ты шла, дитя мое? У тебя все ноги промокли, а пальцы были настоящими ледышками! – говорит Светлана Ивановна, округлив зеленые глаза. – Надеюсь, ты не заболеешь.

Мысленно вздыхаю с облегчением. Слава богу, в постель укладывала меня именно она.

– Все будет хорошо, спасибо вам большое, – благодарю я обоих. – Было глупо идти одной, не зная куда. Но выбора не было…

– Почему же водитель не пошел с тобой? – не унимается женщина. – Во всяком случае, мог бы и сам добраться до нас, а не посылать худенькую девчушку! Иной раз поражаюсь мужской логике!

Подробно рассказываю о водителе и о том, как мы въехали в кучу снега, после чего и начались мои приключения. Оба внимательно меня слушают, после чего Светлана Ивановна предлагает мне подать на службу такси в суд. Я смеюсь, смотря на ее активную жестикуляцию, и несколько раз ловлю на себе внимательные, но по-прежнему дружелюбные взгляды Владимира Павловича.

– А кем ты здесь устроилась? – спрашивает женщина, вертя в руках полупустой стакан с соком.

– Администратором в гостинице.

– Хорошее местечко. А кто из девочек уволился? – задает она вопрос Владимиру Павловичу, который продолжает изучать мое лицо. – Не слышала, чтобы кто-то уходил. А я-то здесь все знаю.

– Я тоже не слышал, но, по-видимому, кто-то решил передохнуть. Аня, мне почему-то кажется, что мы с вами уже встречались.

Так вот почему он не сводит с меня глаз!

– Нет, не думаю. Я бы вас запомнила, – улыбаюсь я.

– Может быть, я знаю твоих родителей?

– Это тоже вряд ли. Мама умерла сразу после моего рождения, а папа… Он никогда не появлялся в моей жизни. Даже не знаю, как он выглядит и где живет.

Удивляюсь собственной болтливости, ведь обсуждать личную жизнь с малознакомыми людьми не в моих правилах.

– Вот как… – протягивает мужчина, подперев крепкой рукой подбородок.

– Милая, а кто же тебя воспитывал? Наверное, бабушка?

– Нет, моя родная тетя. Бабушек и дедушек в живых я не застала.

– И твой отец никогда не искал возможности встретиться с тобой? – озадаченно спрашивает мужчина.

– Владимир Павлович, это очень деликатная тема, – делает ему замечание Светлана Ивановна, и тут же поворачивается ко мне: – Не стоит ворошить прошлое. Твоя тетя замечательно воспитала тебя! В наше время скромные девушки – такая редкость!

Слабо улыбаюсь и допиваю оставшийся в моем стакане яблочный сок. Я благодарна этой милой женщине за то, что она закрыла неприятную для меня тему. А точнее – мне просто неинтересно обсуждать это.

– Спасибо большое за ужин и за то, что спасли мне жизнь. Если бы вы не нашли меня, я бы уже была в другом месте.

– Не дай бог такому приключиться! – восклицает Светлана Ивановна, поднявшись. – Сейчас выпьем горячего чаю с сахарными булочками, и ты ляжешь спать. Тебе нужно отдохнуть как следует.

– Нет-нет! Скажите, как добраться до административного корпуса? Я должна зарегистрироваться, чтобы получить комнату…

– Аня, сегодня ты останешься здесь. Буря будет продолжаться всю ночь, а административный корпус уже не работает, да и находится далеко отсюда, – говорит Владимир Павлович, собирая грязные тарелки. – Завтра утром я отвезу тебя туда.

В который раз удивлена теплотой и заботой человека, с которым только что познакомилась. Никогда бы не подумала, что люди способны пригласить к себе в дом постороннего и усадить его за один с ними стол. А вдруг я какая-нибудь воровка и у меня пистолет в чемодане?

– Давайте я посуду помою?

– Ну, что ты, – улыбается Светлана Ивановна, – кружки и тарелки Владимир Павлович сам любит мыть. Правда же?

– Прямо-таки обожаю, – буркает мужчина, заставив нас засмеяться.

– Не беспокойся, садись и отдыхай. Тебе какой чай?

– Черный, спасибо.

– Моя племянница обожает со всякими вкусами, ну, что-то вроде фруктовых, – говорит Светлана Ивановна, доставая из коробки пакетики с чаем. – Я, если честно, не понимаю, что в них хорошего. По мне так чай должен быть либо черным, либо зеленым. А вы как думаете, Владимир Павлович?

– Черный чай с бергамотом очень даже ничего. И с мятой. Мой племянник пьет только такой.

– Он у вас до ужаса упрямый.

– Не без того, Светлана Ивановна.

Мужчина заканчивает мыть посуду, берет голубое вафельное полотенце, вытирает руки и, щурясь, смотрит на экран телевизора. Для своих лет он очень привлекателен, хотя мне трудно определить его возраст, ведь крепкое телосложение и лицо, покрытое сеткой морщин, абсолютно противоречат друг другу.

– Завтра снегопад прекратится, – говорит он тихо, как будто самому себе, не отрывая глаз от телевизора, по которому передают прогноз погоды.

Ко мне подходит Светлана Ивановна с двумя большими чашками. От нее пахнет булочками, чем-то теплым и домашним. Я невольно улыбаюсь знакомому запаху, который с уходом Лары навсегда исчез из моей жизни.

– Так-так, значит ты у нас администратор, – начинает она, размешивая сахар. – Имеешь опыт работы в гостиничной сфере?

– После первого курса все лето трудилась в придорожной гостинице, потом через некоторое время устроилась в трёхзвёздочный отель. Сначала для прохождения практики, но потом мне предложили постоянную работу.

– В придорожной гостинице? – переспрашивает она, округляя глаза. – Там ведь опасно для такой красивой девочки, как ты! Как же тетя отпускала тебя туда?

– Вам лучше не знать, – усмехнулась я, в очередной раз припоминая свой жуткий старушечий образ. – А вы давно здесь работаете?

– С две тысячи третьего года! Мне было сорок два, когда я устроилась сюда, только тогда это был не курорт, а база отдыха. Сидела в будке и выдавала коньки напрокат. А потом все стало постепенно изменяться, база расширялась и в итоге превратилась в горнолыжный курорт.

– Здорово! Я писала работу в университете про это место.

– А Владимир Павлович здесь дольше моего лет на пять! Он тут с самого основания, так сказать.

Бросаю на мужчину удивленный взгляд и делаю глоток горячего напитка.

– Так уж получилось, – пожимает он плечами, не вдаваясь в подробности. – Так, значит, ты закончила факультет гостиничного бизнеса?

– И наверняка была отличницей! – подхватывает Светлана Ивановна.

Киваю обоим и спрашиваю женщину:

– Я так похожа на заучку?

– Просто у тебя очень умные глаза, да и воспитана ты хорошо, – заявляет она уверенно. – Иной раз здесь на таких барышень насмотришься, что аж жить страшно становится!

Я смущаюсь, и лицо как назло начинает краснеть. Не умею спокойно реагировать на комплименты. Быстро хватаю кружку с чаем и пью, прикрывая ею помидорную физиономию.

– Сегодня ты можешь занять мою комнату, – говорит Владимир Павлович, поднимаясь с места. Кажется, он вновь заметил мое смущение и решил перевести тему. – А я переночую в гостиной.

– Это вовсе не обязательно, я останусь на диване, не хочу доставлять вам неудобства и создавать очередные проблемы.

Владимир Павлович бросает на меня немного удивленный и в то же время изучающий взгляд, как будто не может поверить моим словам. Его светло-серые глаза кажутся задумчивыми, словно он решает в уме какую-то задачку, ответ на которую зашифрован на моем лице. Должно быть, по-прежнему считает, что мы где-то встречались с ним раньше. Но я точно могу сказать, что никогда не видела этого мужчину раньше.

– Нет никаких проблем, – говорит он, слегка улыбаясь, – и не беспокойся об этом. Светлана Ивановна, не поможете постелить белье?

– Ой, ну что вы! Я сама все сделаю, прошу вас, не нужно так… – мямлю я.

– Ей-богу, она просто очаровашка! – перебивает меня женщина, хлопнув в ладоши. – Пойдем, я покажу тебе комнату, да и чемодан твой перетащим.

Благодарю мужчину за прекрасный ужин и удаляюсь вместе со Светланой Ивановной в гостиную. Кидаю в сумку телефон и беру свой чемодан.

– Так, проходи в коридор, а я сейчас достану свежее белье из шкафа и полотенце. Думаю, ты хочешь принять душ.

– Не отказалась бы…

Спустя пятнадцать минут, когда с моим переездом в комнату Владимира Павловича покончено, я вспоминаю, что так и не позвонила Вике, которая наверняка уже с ума сходит из-за меня. Подключаю зарядку к телефону и с нетерпением жду, когда же загорится экран.

Господи, все пошло вверх тормашками, как только я села в это дурацкое такси. Все должно было быть иначе в этот день. Вместо того чтобы спокойно доехать, зарегистрироваться и получить ключ от своего номера, я нарушаю покой этих добрых людей. Только сейчас до меня дошло, насколько я была глупа, отправившись пешком неизвестно куда в такой снегопад! Меня кидает в легкую дрожь от одной только мысли о том, что спонтанное решение могло запросто погубить меня. Единственным человеком, который оплакивал бы меня и неимоверно скучал, была бы Вика. А Лара сейчас, наверное, с ужасом смотрит на меня с небес, покручивая указательным пальцем у виска.

– Прости меня, Лара, – говорю я тихо, опускаясь на край кровати. – Больше никогда не буду так делать. Ты растила меня не затем, чтобы я по собственной дурости замерзла в каком-то долбаном сугробе. Фух-фух, все хорошо. Все будет хо-ро-шо. Да. Да. Да.

Экран телефона наконец загорается, и я тут же набираю номер Вики. Не думаю, что в половине десятого вечера она уже спит.

– Черт, возьми, Артемьева! – тут же выкрикивает подруга в трубку. – Ты должна была позвонить мне три часа назад, три! Ты смотрела на время?!

– Вик, прости, так получилось. Я знаю, что виновата, но у меня не было возможности связаться с тобой.

Прежде чем звонить Вике, я даже не подумала, как ей все правильно объяснить, чтобы она не переживала за меня. И, чувствуя ее злость, решаю не говорить правду, по крайней мере – пока.

– Здесь ужасно холодно, и мой телефон замерз, пока я дошла до домика, – тараторю я, запинаясь. У меня никогда не получалось врать, и, надеюсь, Вика не заподозрит в моих словах ложь. – А пока регистрировалась, у меня не было возможности подзарядить его. Потом меня провели к гостинице, и

я познакомилась со Светланой Ивановной. Очень милая женщина. Мы немного поболтали, и вот я… заселилась, подзарядила телефон и звоню тебе. Прости меня, пожалуйста.

Вика молчит, и я с ужасом гадаю, поняла ли она, что я лгу ей.

– Ладно, – недовольно говорит она, а я тихо выдыхаю. – Как там, нормальный номер у тебя?

– Да… Очень даже ничего. Все так по-современному…

Только сейчас обращаю внимание на комнату, в которой мне предстоит провести ночь. Здесь действительно виден современный стиль благодаря точечным светильникам в натяжном потолке светло-бежевого оттенка и темно-коричневому ламинату с электрическим подогревом. Плоский телевизор на стене, облицованной деревянными панелями рыжеватого оттенка, а по обеим его сторонам висят яркие фотографии курорта «Снежные холмы», освещенные длинными узкими светильниками. Слева от двери стоит зеркальный шкаф, в котором я вижу свое отражение, а окно занавешено плотной шторой песочного цвета. Неужели здесь все домики такие уютные?

– Хорошо. Нормально долетела?

– Да! Все замечательно, не переживай.

– Голосок у тебя веселый, это очень хорошо, – говорит Вика, и мне кажется, что она улыбается. – В таком случае тебе не стоит открывать мои подарки, ты их не распечатала еще, надеюсь?

Совсем забыла о них!

– Нет… Я просто еще не успела… Сразу побежала заряжать телефон и звонить тебе. Но я открою их сегодня, потому что очень скучаю по тебе… И мне одиноко, да-да, очень одиноко.

Как бы ужасно это ни звучало, но сегодня мне совершенно некогда было скучать по Вике. По крайней мере последние шесть часов, что я добиралась сюда. Сейчас

мои мысли сконцентрированы на этом комфортабельном домике, на новых знакомых, которые оказались прекрасными людьми, и на завтрашнем дне. После ужина накатила дикая усталость, и сейчас мне хочется поскорее принять горячий душ и завалиться спать.

– Ой, не ври мне! – смеется Вика. – Я рада, что ты не скучаешь и тебе не так уж одиноко! Слышу это по твоему голосу. В общем, откроешь их завтра, а сейчас ложись спать. Кстати, у тебя уже есть соседка по комнате?

Вика, пожалуйста, хватит задавать столько вопросов, я ведь не умею так много врать!

– Нет. Еще нет.

– Ну и хорошо. Все, отдыхай! Завтра на связи. Люблю тебя!

– И я тебя.

Мне даже и в голову не пришло спросить, как у нее дела, но я очень рада, что наш разговор так быстро закончился. Хорошо, что я сказала Вике, что забыла ноутбук дома, иначе пришлось бы общаться по видеосвязи, и вопросов было бы в сотню раз больше, увидь она мое поцарапанное лицо и комнату, которая совсем не похожа на номер в гостинице.

Достаю из чемодана нижнее белье и пижаму. Полотенце, которое мне дала Светлана Ивановна, большое и мягкое, пахнет свежестью. В углу крупными черными буквами вышито «СХ», и я невольно улыбаюсь, проводя пальцами по аббревиатуре курорта.

В ванной комнате я все делаю очень быстро. Голову решаю не мыть, не хочу будить Владимира Павловича шумом фена. Он наверняка уже спит, и, выходя из ванной, я тихонько и плавно опускаю дверную ручку, боясь издать хоть какой-то звук. Едва слышно прохожу по коридору, глазея на фотографии, словно нахожусь в какой-нибудь галерее.

– Этим снимкам чуть больше десяти лет, – раздается тихий мужской голос за моей спиной.

Я дергаюсь от неожиданности, и мужчина тут же извиняется.

– Думала, что вы уже спите, – улыбаюсь я.

Он стоит в квадратной арке, ведущей в гостиную, теперь на нем пижамные темно-синие штаны и бледно-серая, слегка растянутая футболка. Мне нравятся его добрые глаза, которыми он смотрит на меня, и я уверена, что у этого человека золотое сердце, но в его мягкой внешности чувствуется мужественность и сила, готовая проявиться в минуты опасности.

– Я рад, что с тобой все хорошо.

– Благодаря вам я жива. И «спасибо» не передаст ту неимоверную благодарность, которую я к вам испытываю. – Сделав паузу, задаю вопрос, который последние несколько минут не дает мне покоя: – Ведь это домик для гостей, так?

– Для моих гостей. Я всегда останавливаюсь именно в нем, когда приезжаю в «Снежные холмы».

– О… Так вы… не работаете здесь? Простите. Я думала, что вы сотрудник курорта, а не гость… – говорю я, запинаясь и снова краснея.

– Нет-нет, Анют, ты не поняла. Просто этот домик мой. Я в «Холмах» и отдыхаю, и выполняю кое-какую работу. В основном слежу за порядком на территории, руковожу сектором транспорта и перевозок.

– А-а, – только и протягиваю я. Интересно, а многим сотрудникам позволено жить в собственных домиках? Да еще и в таких!

Решаю ничего больше не спрашивать по этому поводу, не хочу показаться дурой, которая не способна понять с первого раза. Возможно, через какое-то время мне удастся разузнать об этом человеке чуть больше от других сотрудников, которые будут такими же разговорчивыми, как Светлана Ивановна.

– Ладно, тебе нужно отдыхать, – говорит он, приятно улыбаясь. Я вновь благодарю его за все и подхожу к двери, ведущей в спальню. Едва успеваю

опустить дверную ручку, как он спрашивает: – Надеюсь, ты позвонила своей тете? Она наверняка переживает за тебя.

Несколько секунд молчу, не зная, как ответить на этот простой вопрос. Сегодня за ужином я сказала лишнего о своих родителях, которых никогда не видела, и о тете, которой уже нет со мной, а моя болтливость повлекла за собой кучу вопросов.

Натянуто улыбаюсь и отвечаю:

– Да, позвонила. Теперь ей не о чем волноваться.

Меньше знают, крепче спят.

Глава 4

Сытный завтрак привез на снегоходе парень в ярко-желтом комбинезоне. В белых контейнерах, сохраняющих тепло, лежали сосиски-гриль, жареные яйца, дольки помидоров, домашние сдобные булочки, и бельгийские вафли с карамельным топпингом. Вскоре от всех этих вкусностей остались только две булочки, и стоит мне только взглянуть на них, как к горлу тут же подбирается тошнота. Чувствую себя обожравшимся слоном.

– Если плотно не поешь утром, то весь день пойдет насмарку! – наставительно говорит Стас, худенький парнишка с длинными изогнутыми ресницами и веснушками на узком носу.

Он сидит за круглым столом напротив меня и наблюдает за моими пыхтениями. Мой обыкновенный завтрак включает чашку кофе и овсяную кашу, но сосиски, жареные яйца и булочки – настоящее издевательство над сонным желудком.

– Он и так пойдет насмарку, ведь я даже с места сдвинуться не могу, – бубню, откинувшись на спинку стула. – Зачем же так много? Здесь всегда такие завтраки?

Стас смеется и чешет затылок. Его глаза тут же загораются, когда на кухне появляется Владимир Павлович в таком же желтом комбинезоне и черной узкой водолазке, похожей на мою новую термокофту. Он улыбается мне и подходит к графину с водой.

– Никто еще не выезжал на дорогу? – спрашивает он Стаса, наливая в стакан воду. – Сегодня должен прийти груз с бытовой химией.

– Степанов с Кузнецовым поехали на разведку. Но по мне, так это пустая трата времени и бензина. И так ясно, что дорогу замело настолько, что ни одна машина не проедет к нам, и уж тем более грузовая.

– Ты им сказал это?

– А то! Но разве меня кто-нибудь когда-нибудь слушает? К слову, мое мнение редко кто принимает во внимание, – объясняет он, повернувшись ко мне, – потому что я, как ты могла заметить, очень худой и мне всего лишь девятнадцать лет. Степанову уже четвертый десяток пошел, а ума в голове с семечку.

Смотрю на Владимира Павловича и вижу игривые искорки в его глазах. Да он явно развлекается, глядя на рыжеволосого Стаса, который, судя по всему, всеми силами пытается проявить себя в мужском коллективе, не принимающем его всерьез из-за молодого возраста и подростковой внешности.

– Я вам говорю, туда нужно отправить два трактора, и как можно скорее. В ближайшие дни осадков практически не будет, а дорога нам нужна уже сегодня! А этим двоим лишь бы покататься на снегоходах! – парень говорит серьезным тоном, а Владимир Павлович согласно кивает. – И еще нам надо что-то сделать с холодильником в ресторане! Лидия Михайловна уже все уши прожужжала.

Мужчина ставит пустой стакан на стол и задумчиво смотрит в окно. Теперь в моей голове начинает немного проясняться, и я понимаю, о чем именно Владимир Павлович говорил мне вчера перед сном. Он действительно следит за порядком на территории курорта и за исправностью всего, вплоть до какого-то там холодильника в ресторане. Немудрено, что руководство поселило его в отдельный домик…

– Стас, поручаю тебе несколько ответственных заданий, – говорит он серьезным тоном. – Сначала отвезешь Аню в административный корпус, ей нужно зарегистрироваться и получить ключ от номера, уличную теплую униформу, ну, и все прочее. Потом доставишь ее в гостиницу, а затем – поедешь в ресторан и будешь контролировать нашего ремонтника. Я ему про этот холодильник говорил несколько дней назад и был уверен, что он все сделал.

– Ага, как же. Моль никогда ничего вовремя не делает.

– Стас! – укоризненно восклицает Владимир Павлович, и я старательно прячу улыбку. – Я поехал на транспортную базу, если что – буду там. Аня, желаю тебе удачи на новом месте. Рад был с тобой познакомиться. Еще увидимся.

– Взаимно, – отвечаю я, смущаясь. – Спасибо вам большое.

Мужчина кивает мне на прощание и выходит из кухни. Слышу как он обувается в коридоре, и через пару минут хлопает входная дверь.

– Ладно, я сейчас уберу со стола и быстро оденусь, а ты пока посмотри телевизор, – говорю Стасу.

– Ага, к тому времени, когда мы приедем, будет десять часов, и кабинеты откроются.

– Туда что, так долго ехать?.. – удивленно спрашиваю я, глядя на свои часы. – Сейчас только восемь сорок пять. Чтобы собраться, мне понадобится минут десять…

– До административного корпуса не больше пяти минут, – улыбается Стас, по-детски проведя рукой по рыжим волосам. – Я просто хотел прокатить тебя по окрестностям, если, конечно, ты не против. У нас огромная территория, и в каждом уголке есть что-то интересное и даже завораживающее. Пешком сложно все пройти, поэтому пока в твоем распоряжении есть извозчик, то есть я, могу показать и рассказать немного о здешнем месте. Кстати, многим не терпится познакомиться с тобой, ведь ты вчера чуть было не погибла! Для местных это невероятная новость!

Отлично, только этого мне не хватало.

– Многим – это кому?

– Ну, ребятам из транспортного и перевозок. Знаешь, ты очень смелая! Один парень даже хочет татуировку себе набить с твоим именем!

– Что?!

Стас хохочет и говорит, что просто пошутил.

Вот озорник мелкий!

Грожу ему кулаком, выбрасываю одноразовые контейнеры в мусорное ведро, протираю столешницу и направляюсь в спальню. Переодеваюсь, закрываю чемодан, проверяя, ничего ли не забыла, и выхожу в коридор, где меня уже ждет Стас.

– Слушай, а под джинсами есть хотя бы колготки? – смущенно спрашивает он, глядя на мои ноги.

– Ну, да, – отвечаю удивленно, как будто сама в этом не уверена.

– Тонюсенькие, типа этих… как их… капроновые?

– Не-е-ет, – протягиваю я сконфуженно. – Теплые, из тонкой шерсти.

– Ты извини, что таким интересуюсь, просто, когда мы будем ехать, снег полетит на тебя. Ты снова промокнешь и моментально замерзнешь. Ладно… держи подшлемник. Его нужно надеть под шлем. Ну, на то, собственно, он и подшлемник, – смеется парнишка. – Точно ничего не забыла? Когда входная дверь захлопнется, мы не сможем попасть внутрь без ключа. А его у нас нет.

– Точно. Все со мной, – уверенно отвечаю я, надев черный облегающий подшлемник, похожий на маску для грабителей с прорезью для глаз. – А кто такой Моль?

– Это наш ремонтник, Михаил Михайлович. Знаешь, как его фамилия? Михайленко!

Я улыбаюсь. Наш разговор больше похож на болтовню двух подростков, и меня это забавляет.

– Он хороший дядька, но чтобы заставить его вовремя сделать какую-то работу, нужно сильно поднапрячься. Он как… моль. Никуда не торопится и даже понятия не имеет, что такое спешка. Зато мастер на все руки. Все что угодно починить может.

Мы выходим на улицу. Подхватив мой чемодан, Стас шагает впереди. Узкая тропинка, ведущая к дому, расчищена от снега, и по обе ее стороны светятся круглые желтые лампочки, освещающие дорожку ночью. Улыбаюсь разноцветным гирляндам на окнах и чувствую детскую радость. Еще только начало ноября, а настроение уже новогоднее!

– Красивый домик, да?

– Не то слово!

Пока иду к желтому снегоходу, любуюсь пушистыми елями вокруг и сверкающим снегом. Кажется, будто бы домик с темно-коричневой крышей спрятан глубоко в лесу и никто кроме нас не знает, как его найти. Есть в этом что-то сказочное.

– Здесь много таких. – Стас укладывает мой чемодан в небольшие пластмассовые сани, закрепленные за снегоходом. – Они разбросаны по всей территории курорта. Представляешь, некоторые гости любят гулять так сильно, что готовы идти в центр даже в сорокаградусный мороз!

– «Центр» – это там, где каток? – уточняю я, вспоминая информацию, указанную на официальном сайте.

Стас кивает:

– Ага, где ресторан, центральная елка, которую, кстати, должны установить на следующей неделе, и главная гостиница, в которой ты будешь работать. Когда

сезон открывается, там начинается такая движуха, просто жесть! Вот честное слово, я бы умер без этого места! Готов работать здесь до конца своих дней!

Шлем, врученный мне парнем, оказывается великоват, и когда смотрю на себя в одно из боковых маленьких зеркал, то вижу в отражении какого-то гуманоида. Мне еще не приходилось кататься на снегоходе, но я почему-то уверена, что это весьма увлекательно. Сажусь за Стасом и натягиваю теплые варежки. Хватаюсь за боковые ручки на сиденье и с нетерпением жду, когда же мы тронемся. Стас объясняет, что сначала мы поедем в центр, потом он покажет мне дорогу к гостинице для персонала, в которой я буду жить, и если останется время, то сможем прокатиться по лесу и посмотреть другие домики, местные бары и кофейни.

Мы резко трогаемся, и от неожиданности я едва не падаю назад, хотя и очень крепко держусь за ручки. Стекло на шлеме начинает запотевать, и все, что я могу увидеть перед собой, – мутную спину Стаса в желтом пуховике. Моя голова постоянно дергается то вперед, то назад – все зависит от того, с какой силой парень жмет на газ или тормоз. Через несколько минут понимаю, что этот вид транспорта совершенно не предназначен для меня, и к тому моменту когда мы, наконец, останавливаемся, чувствую накатывающую тошноту. Перед глазами сразу всплывают утренние сосиски и жареные яйца.

Стас спрыгивает на землю и помогает мне снять шлем. Я глубоко вдыхаю свежий морозный воздух и медленно выдыхаю, продолжая сидеть на месте.

– Эй, тебе, плохо, что ли?

– Немного укачало, – выдавливаю я улыбку.

– Извини. Наверное, я слишком резко тормозил.

– Ничего страшного. Я вообще не ездок ни разу, мне больше по нраву пешие прогулки.

– Хочешь, принесу тебе воды?

– Нет, Стас, спасибо, со мной все хорошо! Дай мне минутку, хорошо?

Парень слабо кивает, и в его глазах отражается искреннее сожаление. Он рассеянно подходит к носу снегохода и принимается стряхивать снег с фары и боковых зеркал, а я стараюсь глубоко дышать в надежде, что тошнота отступит.

Мы стоим на широкой расчищенной тропе, где видны следы снегохода и трактора. Через каждые несколько метров по обе стороны дороги установлены низкие фонарики, точно такие же, как и у дома Владимира Павловича.

– Тебе лучше? – Я киваю, и Стас заметно веселеет. – Итак, справа от нас, за этими елями, располагается кофейня-бар «Путник», – говорит он, плавно указав рукой в сторону деревьев, за которыми ничего невозможно разглядеть. – Там можно согреться, выпить кофе или что-нибудь крепенькое… Кхм… А слева – просто лесочек с освещенными тропинками. Там любят фотографироваться, гулять и сидеть на лавочках. Кстати, здесь есть сверкающая аллея! Красотища невероятная!

– Сидеть на лавочках? – спрашиваю я. – Зимой?

Стас улыбчиво кивает и поправляет черную шапку с эмблемой курорта. Еще несколько минут он, словно настоящий гид, рассказывает мне о большом катке, который расположен чуть дальше от нас, где даже в трескучие морозы собираются любители фигурного катания.

Видимо, люди здесь не боятся превратиться в сосульки.

– Вечером каток освещается разноцветными гирляндами. Только представь, какая красотень, особенно отсюда! – восхищенно добавляет Стас, спрятав руки в большие карманы пуховика.

Мы стоим на возвышенности, и дорога, ведущая к центру, плавно уходит вниз. Круглый каток, огороженный невысоким деревянным забором, и широкая площадка, где установлена новогодняя елка, видны как на ладони. Там не спеша прогуливаются отдыхающие и веселятся детки, играя в снежки. Вдалеке возвышаются снежные вершины, с которых осмеливаются спуститься профессионалы и любители экстрима.

Медленно сползаю со снегохода, с радостью почувствовав землю под ногами, подхожу к уходящей вниз тропе и замираю. Слева, неподалеку от катка и

густого леса, расположилось трехэтажное вытянутое здание с высокой крышей из темно-коричневой черепицы и большими широкими окнами на первом этаже, похожими на витрины магазинов. Стены облицованы крупным декоративным камнем светло-серого и темного, почти черного оттенков, на углах и возле каждого окна вмонтированы узкие деревянные панели под цвет крыши. Все это идеально гармонирует с деревянными ступенями, ведущими к зданию. Никогда в жизни я не видела ничего подобного. Сказочная красота в альпийском стиле действительно захватывает дух.

– Это… гостиница? Бог мой…

Слышу звонкий смех Стаса за спиной и смущенно оборачиваюсь. Наверное, выглядела простушкой, которая впервые в жизни увидела шикарное строение и едва не описалась на месте от удивления и детского восторга.

– Прости, – тут же говорит Стас, заметив мое смущение. – Не хотел тебя обидеть. Просто очень интересно наблюдать за тобой. То есть… ты не похожа на обезьянку, на которую хочется смотреть… В смысле, ты не обезьянка! Нет! Черт…

Теперь смеяться начинаю я, и слегка озадаченное лицо Стаса заливается краской.

– Забей, – отмахиваюсь и вновь гляжу вниз. – В жизни гостиница выглядит в сотню раз круче, чем на картинке в Интернете.

– Согласен. Та, в которой живем мы, не такая эффектная, но не менее уютная, поверь. Она, кстати, вон там, – говорит он, указав в лесную чащу за центральной площадью.

– И сколько времени до нее идти пешком?

– Минут десять-пятнадцать. Там полно всяких тропинок и есть указатели. Так что не бойся, заблудиться не получится.

– С меня и так хватит, – усмехаюсь я.

Спустя тридцать минут мы подъезжаем к двухэтажному вытянутому зданию, спрятанному в одном из местных лесочков. С радостью слезаю со снегохода и стягиваю тяжелый шлем.

У входа курят несколько мужчин с папками в руках.

– Здорово, Стас! – кричит один. – Давно здесь?

– Привет! Недели две уже. В кадровый отдел очередь?

– Да, за мной будете. Впереди шесть человек.

Они перебрасываются друг с другом еще парой фраз, и незнакомые мне люди скрываются за дверями административного здания.

– Все постепенно съезжаются, – объясняет Стас. – Люблю это время. Самый кошмарный день для меня – закрытие сезона.

– Давно здесь работаешь? – интересуюсь, натягивая на руки замшевые перчатки.

– Третий год, – гордо отвечает парнишка, вскинув узкий подбородок. – Сначала меня взяли как разнорабочего, там помогу, то сделаю, а потом официально зачислили в службу перевозок.

– И что ты конкретно делаешь?

– Служба перевозок занимается транспортировкой гостей и их вещей. Ты еще удивишься, сколько барахла тащат сюда люди! Кто-то приезжает на три дня и привозит по два огромных чемодана, кто-то на неделю и больше, так те вообще, кажется, берут с собой все, что висит в их шкафах! Есть гости, которые не арендуют снегоходы, потому что боятся на них ездить или не умеют, и чтобы им добраться до центра или еще куда, они вызывают таких, как я. Местное такси, так сказать.

– А Владимир Павлович?..

– Он наш босс, – гордо отвечает Стас, поняв мой недосказанный вопрос. – Хороший дядька. Кстати, он теперь не только мой начальник, но и твой тоже.

Я с непониманием гляжу на парня, а он по-доброму усмехается.

– Ну, «Снежные холмы» – его детище, если так можно выразиться. Он здесь живет, работает и отдыхает.

В моей голове раздается выстрел. Неужели Владимир Павлович и есть тот самый давний друг отца Вики? Он наверняка понял, кто я такая, как только увидел меня, ведь Вика отправляла ему мою фотографию с резюме. Не зная, как сказать, что в курсе, кто я, решил просто намекнуть, мол, лицо мое ему знакомо. Возможно, не хотел ставить меня в неловкую ситуацию перед Светланой Ивановной, ведь я, прямо говоря, попала сюда по блату. Еще вид сделал, что не знает, кто из администраторов уволился и на чье место меня взяли…

– Эй, ты чего раскраснелась так? Замерзла, что ли? – спрашивает Стас. – Пошли внутрь, погреемся.

– Нет, погоди… То есть Владимир Павлович – хозяин этого курорта?

– Ага! Он клевый мужик, со всеми находит общий язык, и ему неважно, кто ты и откуда, главное, чтобы работал на благо «Снежных холмов». Полная противоположность другому директору.

– Другому? Есть еще один?

Стас кивает.

– Его родственник вроде бы. Бывает здесь редко, ну, по крайней мере я его практически не вижу. Просто наслышан о его весьма тяжелом характере. Если Владимир Павлович работает не покладая рук, то тот… Вот ведь паразитство, даже не знаю как звать-то его, а ведь три года здесь работаю! В общем, тот приезжает сюда, в свой персональный домик, и сломя голову носится на снегоходе по здешним лесам. Поэтому, если вдруг когда-нибудь мимо тебя пролетит что-то большое и черное, знай, это наш второй начальник.

С высокого кедра на голову Стаса падает комок снега. Парень от неожиданности дергается, а я смеюсь, когда он начинает ругать воображаемую белку, которая, как ему кажется, принципиально засыпает снегом именно его в самое неподходящее время.

– Клянусь, эта безобразница преследует меня всюду!

Из здания администрации выходят две женщины в серых, почти одинаковых дубленках и высоких замшевых сапогах. Каблучища-то какие! Божечки, как можно ходить по снегу на таких платформах? Хотя… Моя Вика такая же. Женщины кидают на нас приветливые взгляды и удаляются по узкой расчищенной тропинке, ведущей к центру.

В пуховике Стаса что-то шипит, и он быстро достает из нагрудного кармана маленькую черную рацию.

– Да?

«Пщ-пщ-птрщ – раздается из нее. Но Стас, видимо, хорошо понимает неизвестный мне язык, потому что с легкостью поддерживает шипящий разговор:

– И как же нам быть?

– В чем дело? – интересуюсь я, смотря на его озадаченное веснушчатое лицо.

– Мне нужно ехать за Молью и срочно везти его к холодильнику.

– Так езжай.

– И как же ты доберешься до гостиницы? Я обещал привезти тебя туда.

– Брось. Ты же сам сказал, что мне дадут карту, так что не потеряюсь. Здесь же повсюду люди. Вот только чемодан… Не хочется снова тащить его за собой.

Несколько секунд Стас пребывает в раздумьях, забавно чешет голову и то и дело оборачивается к лесу.

– У меня идея! – выпаливаю я, не в силах смотреть на запутавшегося парнишку, которому поручили со мной нянчиться. – А что, если ты отвезешь мой чемодан в гостиницу и оставишь его у администратора, пока я подписываю договор и получаю ключи, а?

– А ты не обидишься на меня?

– Стас, ну что ты! – улыбаюсь, тронутая его заботой. – Ты сегодня мне столько всего рассказал и показал! Теперь нужно разведать местную территорию самостоятельно. Ну, хотя бы немножко.

– Хорошо, я оставлю твой багаж у Светланы Ивановны, это наш админ. Веселая женщина. Но пообещай, что в какой-нибудь из твоих и моих выходных дней мы с тобой выберемся к холмам и будем кататься на снегоходе и лыжах? Кстати, там есть лабиринт для тюбинга – офигенная вещь!

– Заметано!

Жмем друг другу руки, Стас заводит снегоход, надевает шлем и, махнув мне на прощание, уносится по тропе.

* * *

Моей соседкой оказалась веселая девчонка по имени Вероника, и мы сразу нашли с ней общий язык. У нее смуглая кожа, как будто неделю назад она вернулась из какой-то жаркой страны, миндалевидной формы темно-карие глаза и черные прямые волосы чуть ниже плеч. В «Снежных холмах» девушка работает второй год; пришла сразу после окончания университета и ни разу не пожалела о выбранном месте. Только попала она сюда честным путем, не то, что я. Конечно, я не рассказывала ей, что мне не пришлось проходить конкурс на отбор кандидатов с тестами на логику, но чувство стыда охватывает меня всякий раз, когда она то и дело рассказывает о какой-нибудь идиотской задачке, которую мог придумать настоящий придурок.

– Мертвый человек найден на ржаном поле. В правой руке он крепко сжимает спичку. От чего умер человек? Полная хрень, правда? У тебя было что-то

подобное?

– Ой, знаешь, не помню. Да и вспоминать не хочу! – вру я, чувствуя, как по собственной воле тону в пучине лжи.

На работе мы с ней встречаемся, когда передаем друг другу пост. Здесь необычный режим, с которым я сталкиваюсь впервые. Два дня подряд моя смена длится с семи утра до пяти вечера, а Вероника выходит с пяти вечера до двух часов ночи. Потом мы меняемся. Выходной у нас раз в неделю – понедельник, именно в этот день гости не заезжают и не выезжают, и администраторам за стойкой делать нечего.

Во время двухдневного изучения своих обязанностей я познакомилась с Инной Викторовной – управляющей гостиницей и центром отдыха, куда входят спа-салон, бассейн и тренажерный зал. Стильная женщина лет сорока с идеальной фигурой и в неизменных туфлях на высоченной шпильке, в которых она все равно чуть ниже меня, коротышки.

Каждое утро вторника первые двадцать минут занимает планерка, на которой Инна Викторовна оповещает всех о планах на грядущую неделю. Я, как администратор, готовлю ей список гостей, чтобы все сотрудники, вплоть от горничных до поваров ресторана, знали, какое количество отдыхающих ожидать.

Когда рассказываю Вике о прошедших рабочих днях, чувствую в ее голосе радость. Она, как и я, счастлива, что моя жизнь стала меняться, а вместе с ней и мое настроение, которое с каждым днем становится все лучше и лучше. Никогда не могла подумать, что настолько смогу полюбить мороз и снег, которого так много, что если долго смотреть на него, то начинают болеть глаза. С наступлением темноты «Снежные холмы» превращаются в настоящий сказочный городок, переливающийся разноцветными огнями. Пока мне так и не удалось найти именно ту точку, с которой было сделано мое любимое фото, но я обязательно отыщу ее и смогу досыта налюбоваться потрясающим видом. И кажется, я знаю, кто с радостью согласится мне в этом помочь.

Ни Стаса, ни Владимира Павловича за прошедшую неделю я ни разу не видела. Ребята, которые привозят отдыхающих к гостинице на снегоходах, заходят внутрь с багажом и терпеливо ждут моих указаний у широкой темно-коричневой

лестницы, недалеко от стойки. После регистрации гостя я сообщаю им, в какой номер следует доставить багаж. Среди этих парней ни разу не было Стаса. Даже в нашей гостинице, которую я почему-то стала называть «домом», мне не удалось с ним встретиться.

Кстати, мой номер очень уютный. Если бы нужно было платить за него, то в сутки стоимость составляла бы тысяч двадцать, не меньше. Наши с Вероникой кровати разделяет фальш-стена, с каждой ее стороны имеются полки для книг и всякой мелочовки, а также небольшие бра. Такое индивидуальное освещение очень удобно, ведь та из нас, кто возвращается с ночной смены, не мешает той, которая уже спит.

Еще в номере есть мини-кухня с холодильником, микроволновкой и электрическим чайником. Еду мы заказываем у Светланы Ивановны, которая каждый день приносит новое меню с двумя блюдами дня на выбор.

Мое самое любимое место в новом «доме» – ванная комната. Бежевая блестящая плитка начинает сверкать, словно песок на солнце, как только включаются точечные светильники на потолке. Над широкой белой раковиной висит большое квадратное зеркало-шкафчик, где мы с Никой храним наши косметические и гигиенические средства. На противоположной стене установлены унитаз и полукруглая душевая кабина с дверцей из матового стекла.

Сейчас я смотрю на свои влажные светлые волосы, которые собираюсь высушить феном, и вспоминаю прошлую жизнь. С легкой улыбкой осознаю, что многие моменты постепенно стираются из памяти, точно ластиком. Одиночество, от которого на время избавляла меня Вика, здесь практически невозможно ощутить, потому что меня постоянно кто-то окружает. Новые отдыхающие, которых я регистрирую, сотрудники, с которыми мы перебрасываемся парой фраз, да и сама атмосфера – яркая, суматошная и такая непривычная. Это место наделяет меня силами и избавляет от мыслей о прошлом.

Глава 5

– Рита, зови этих недотеп сюда! Стоит ребенку подойти и потрогать нижние ветки, как они тут же отвалятся! – недовольно бубнит Инна Викторовна, держа в

руках части искусственной елки, которую днем установили двое рабочих. Подойдя к длинной и сверкающей стойке из темно-коричневого дерева, за которой я нахожусь, она устало добавляет: – Завтра официальное открытие! Его покажут по всем местным телеканалам, включая один федеральный, а у нас черт знает что творится!

Сегодня на ней серая расклешенная толстовка и узкие черные брюки. В первый раз вижу ее не на каблуках, а в кремовых уггах, и именно эта обувь придает ее несколько суровой внешности милое очарование.

– Может, вы кофе хотите? – спрашиваю я, заметив ее усталый вид. – Или какао?

Она вздыхает.

– Нет, спасибо, Ань. Из года в год одно и то же. Стоит только заикнуться, что близится какой-нибудь ответственный день, как вокруг тут же начинается хаос! А впрочем… закажи для меня капучино. Мне еще несколько часов отдых не светит, а я уже валюсь с ног.

Киваю и набираю на рабочем телефоне три цифры, которые соединяют меня с баром ресторана. Заказываю горячий напиток и один круассан с шоколадной начинкой. Думаю, начальнице стоит закинуть в желудок хоть что-то, ведь ей действительно еще долго работать и следить за подготовительным процессом.

Двадцать минут назад я сменила Веронику, которая работала в первую смену и наблюдала, как рабочие, которые должны были заниматься установкой новогодней елки в холле гостиницы, зачем-то сначала стали распутывать гирлянду, за что и получили нагоняй от управляющей.

– Ты бы видела… – восторженно рассказывала мне Ника перед уходом. – Инна Викторовна залетает сюда, а эти пацаны все с огоньками возятся. В холле и у стойки гостей не было, так она звонким голоском подзывает их к себе да как крикнет: «Вы что, совсем охренели?! Эта елка должна была стоять здесь два часа назад, а вместо нее у нас несколько метров распутанной гирлянды, которую не на что вешать!» А они: «Инна Викторовна, ну мы подумали, что сначала будет лучше разделаться с этим клубком!» А она им: «Можете выключить свои гениальные думалки, чтобы через тридцать минут елка была собрана и установлена на положенном месте!» Те снова начали ныть, а она как

треснет кулаком по стойке, что я аж вздрогнула… Ух, мне бы такую силу и уверенность!

В ресторане, который находится за двумя поворотами коридора от холла, утром молоденькая официантка уронила поднос с фужерами, когда несла его к барной стойке. В придачу к этому через несколько минут она же зацепила ногой провод от музыкальной техники и налетела на стол с елочными игрушками, которыми должны были украсить каждую нависшую над столиками фигурную люстру. Большинство украшений разбилось вдребезги, оставив на теле девушки многочисленные порезы.

В хозяйственном отделе тоже творился какой-то бедлам. Из строя вышли сразу три стиральные машинки, и в рабочем состоянии осталось только четыре. Завотделом носилась по гостинице, требуя от Инны Викторовны немедленного появления ремонтника, которому она никак не могла дозвониться.

– У нас гора грязного белья, которое нужно подготовить к утру, и оставшихся четырех машин попросту не хватит! А полотенца из ресторана и скатерти? Господи! В чем стирать их? Неужто мои девочки должны вручную это делать? – тараторила она нервным писклявым голосом в тот момент, когда я заходила в холл.

Словом, сегодня творится что-то невероятное, как будто кто-то подбросил в наш мирный рабочий процесс бомбу с неприятностями. И сейчас, глядя на то, как Инна Викторовна вновь отчитывает рабочих, что не потрудились качественно собрать искусственную елку, я вновь понимаю, что это место наполняет меня жизнью.

К шести часам подъехали очередные гости – жизнерадостные супруги Фирсовы с угрюмым сыном-подростком. Я регистрирую их, беру у отца семейства паспорт и кладу его в сейф под стойкой. Пока на принтере печатаются бумаги регистрации, которые он должен подписать, открываются широкие стеклянные двери, и в холле появляется высокий темноволосый мужчина, которого я прежде не видела. Должно быть, новый гость.

– Алексей Владимирович, поставьте свою подпись вот здесь, – указываю я усатому дядечке золотистой ручкой строчку на листе.

– А тут есть дамская комната? – тихонько спрашивает его жена, стянув тонкую красную шапочку. – Нам еще ехать до домика и…

– Конечно. За лестницей справа дверь.

– Спасибо! Подожди меня, ладно? Я скоро!

Мужчина поднимает на меня веселые глаза.

– Как будто я без нее уеду.

Их сынок фыркает и отворачивается, а я, улыбаясь, забираю подписанные бумаги. Смотрю на только что вошедшую в холл парочку, которая завтра выселяется, и вновь замечаю темноволосого мужчину в черном пуховике. Незнакомец стоит у дверей и пристально глядит в мою сторону.

– Хочу арендовать снегоход. Покататься с сыном, а может, и жену научу ездить, – говорит Фирсов-старший. Я тут же переключаю свое внимание на него.

– Да, конечно. С сегодняшнего дня?

– Нет, давайте с завтрашнего. Уже вечер, а мы так устали добираться сюда. Надо бы поспать.

Понимающе киваю.

– Сейчас я распечатаю вам бумагу, отдадите ее сотруднику, который вас привез, а он уже скажет, где можно будет забрать снегоход.

– Понял! – довольно отвечает мой гость.

Пока принтер трудится над заявкой, я достаю из специального ящика ключ с черной цифрой «6» на ярко-желтом брелоке и протягиваю мужчине:

– Вот, пожалуйста. В домике есть телефон. Если вам что-то понадобится или возникнут какие-либо проблемы – звоните, и я помогу.

– А ужин нам привезут? – спрашивает его жена, вернувшись из дамской комнаты.

– Его вам доставят через несколько минут.

Они забирают ключ и, поблагодарив меня, направляются к центральным дверям. Всегда ощущаю приятную слабость, когда от меня уходят довольные гости.

Беру телефон и набираю номер менеджера на кухне. Сообщаю о том, что в шестой домик нужно доставить ужин на троих. Кладу трубку и смотрю в широкое окно, за которым уже час как темно. Внезапно вспоминаю о высоком человеке, несколько минут назад стоявшем у центральных дверей и которого я прежде здесь не видела. Гляжу по сторонам, но кроме рабочих, собирающих елку, сотрудниц, украшающих мишурой лестницу, да нескольких гостей с красными от мороза носами, сидящих на диванчиках перед телевизором, в холле никого нет.

Наверное, тот мужчина – «сквозной отдыхающий». Этим термином работники курорта называют тех, кто приехал в «Снежные холмы» только для того, чтобы покататься на горках и лыжах, прогуляться по лесу, а вечером вернуться домой. Таких здесь много.

Раскладывая бумаги по ящикам, не замечаю, как к стойке подходит Владимир Павлович.

– Добрый вечер! Очень рада вас видеть! – искренне восклицаю я.

– Здравствуй, Анечка. Как твои дела? – тепло улыбается он.

Под взглядом изучающих светло-серых глаз чувствую, что начинаю краснеть. Почему каждый раз, находясь рядом с этим человеком, меня накрывает волна смущения? Может, из-за того, что именно благодаря ему я нахожусь здесь? Наверное, стоит сказать «спасибо», а то как-то невежливо…

– Замечательно! Мне здесь безумно нравится. А как вы? Давно вас не видела.

– Потихоньку. Приводил в порядок кое-какие дела… Слышал, у вас тут сегодня все вверх тормашками, – улыбается он.

– Ага, целый день какая-то ерунда творится. Стиральные машинки ломаются, посуда бьется, а рабочие получают взбучку от Инны Викторовны.

– Ну, она умеет делать это весьма сдержанно, при этом не теряя строгости, – говорит Владимир Павлович, кинув на двух парней, кряхтящих над елкой, мимолетный взгляд. – Тебя здесь все устраивает?

– Да, все просто великолепно. Несравнимо с теми местами, где я работала прежде. Как будто в сказку попала.

На несколько секунд повисает неловкое молчание.

– Не было никаких проблем?

– Слава богу, нет, – нервно улыбаюсь я.

– Тебе выдали нашу уличную теплую униформу?

– Да, но пока не так уж холодно, поэтому обхожусь без нее.

– Размер подошел?

– Угу. Все в порядке.

Мужчина задумчиво кивает и продолжает расспрашивать:

– А как гости? Не обижали?

Я нервно чешу лоб и принимаюсь раскладывать все, что лежит на столе под стойкой рядом с экраном компьютера. Достаю ручки и карандаши из органайзера, вытаскиваю маленькие квадратные стикеры из пластмассовой упаковки и принимаюсь за «уборку».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/korr_katrin/snezhnye-holmy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити